

Олег Шевчук

Ярость Стихий – Искра

16+

Олег Шевчук
Ярость стихий – Искра

«Автор»

2017

Шевчук О.

Ярость стихий – Искра / О. Шевчук — «Автор», 2017

Мистик – человек вне закона. Нам нечего терять и в наших руках находится самое грозное оружие, которое только известно человечеству – магия. Я не выбирал этой судьбы, она сама меня выбрала, мне оставалось лишь сжать зубы и пройти этот путь до конца. Многие заклинания рождают боль, многие рождают и слёзы. Магия разрушает, но она же и созидает, всё зависит от того, в чьих она находится руках. Мне никогда не снятся те, кого я убил, потому что я знаю, что иного выбора не было.

© Шевчук О., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Ярость стихий – Искра	5
Глава 1. Детство.	6
Глава 2. Встреча.	14
Глава 3. Выбор.	24
Глава 4. Слово.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ярость стихий – Искра

Мистик – человек вне закона. Нам нечего терять и в наших руках находится самое грозное оружие, которое только известно человечеству – магия. Я не выбирал этой судьбы, она сама меня выбрала, мне оставалось лишь сжать зубы и пройти этот путь до конца. Многие заклинания рожают боль, многие рожают и слёзы. Магия разрушает, но она же и созидает, всё зависит от того, в чьих она находится руках. Мне никогда не снятся те, кого я убил, потому что я знаю, что иного выбора не было.

Глава 1. Детство.

Когда-то меня звали Альтаир, да, так, именно «звали». Много с тех пор изменилось, слишком многое произошло.

Я родился в небольшой деревне на берегу реки, самой обычной, каких по стране множество. Отец мой был рыбаком, мать смотрела за домом. Ещё точно помню, у нас была собака. Большая, добродушная, лохматая. И, как ни странно, звали её Тунец. Отец почему-то говорил, что это приносит нам удачу.

Братьев и сестёр у меня не было, но было очень много друзей. Думаю, в то время я был довольно общительным ребёнком. Родители воспитывали меня просто: объясняли, что плохо и что хорошо и не привязывали ко мне каждый конкретный мой поступок, они действительно любили меня. Если я поступал плохо, меня не наказывали, а объясняли, что неправильно или недостойно так себя вести, называли плохим не меня, а мой поступок. Хотя... если подумать, они всех так учили, даже посторонних людей, даже тех, кто был их намного старше или младше. Естественно, что и сами они свои правила не нарушали: «говори правду», «не обижай того, кто слабее тебя, неважно человек это или животное», «не отступай, если знаешь что прав, не меняй своего мнения» и прочие подобные, я и сам не заметил, как они закрепились во мне, проникли в мою душу. Я всегда хотел стать похожим на родителей, не только на отца, потому что мать у меня была не слабее. Они редко ссорились, но тогда уж в доме от криков дрожали стены, ни один не желал уступить и всё прямо другому высказывал. Потом они очень быстро мирились, смеялись над глупой ссорой и своей неуступчивостью, и, казалось, начинали любить друг друга лишь сильнее. У меня была настоящая семья в отличие от многих фальшивок...

Так я жил, пока мне не исполнилось девять. Тот год всё изменил, и его я помню до сих пор. Лето тогда выдалось не просто плохим, а по-настоящему ужасным: постоянные дожди, град... урожай на полях погиб почти весь, рыбы в реке тоже почему-то стало очень мало. Отец с каждым днём мрачнел, и мать мне в конце концов даже запретила спрашивать, как у него прошла рыбалка и что он сегодня поймал, как я всегда делал. Я не обиделся, потому что понял, что она сделала это просто, чтобы его защитить, по возможности не огорчать и не заставлять оправдываться. Мне было тяжело, но я молчал, держался, старался больше времени проводить с друзьями. Мы ходили за грибами, ягодами и тоже пытались взрослым хоть как-то помочь.

Спустя некоторое время в деревне начали вспыхивать ссоры, а то и драки из-за еды. Её всё ещё было достаточно, но люди понимали, что лето рано или поздно закончится и с наступлением холодов пополнять запасы уже станет неоткуда, вели себя, как звери, которые предчувствуют голод. Отец старался держаться особняком и кроме рыбалки почти никуда не ходил. Пойманную рыбу мы уже не продавали, а просто солили и складывали, сами ели очень мало, берегли на зиму.

Настроения людей в деревне с каждым днём становились всё хуже. Старики-старожилы говорили, что кто-то наслал на нас проклятье и что такого никогда не было на их веку. Казалось, что хуже уже быть не может, но на этом наши беды не кончились, и в деревню вдруг пришла болезнь. В один день слегли сразу несколько семей, у которых были дома по соседству с нашим. Все мои друзья заболели, я один почему-то не заразился. Отец настрого запретил нам с матерью выходить из дома, а сам собрался, оседлал лошадь и куда-то уехал. Это был первый раз, когда он не стал нам ничего объяснять, а просто поставил перед фактом. Мать обняла меня, сказала, что всё будет хорошо и что мы должны ему верить.

После того, как через несколько дней отец вернулся, они с матерью заперлись и что-то очень долго обсуждали. Отец настаивал, мать сопротивлялась ему. По обрывкам фраз я понял,

что их разговор каким-то образом касается нашего возможного переезда. В конце концов они успокоились и судя по всему решение отложили.

Спустя ещё некоторое время в деревне умерла первая семья. Никто ничего так и не успел понять, как они вдруг просто перестали выходить из дома. Собака лаяла несколько дней, кто-то зашёл их проведать и обнаружил мёртвыми. Всех. Всю семью из более чем десяти человек. Я запомнил это хорошо, потому что первой семьёй, которая умерла, была семья моего лучшего друга.

Это было странное чувство, умом я понимал, что никогда его больше не увижу, родители мне всё объяснили, но сердце... оно это принять отказывалось. Я просто хотел ещё раз поговорить с ним, поиграть, да даже просто переглянуться. После матери и отца он был самым близким мне человеком, единственным, кто действительно меня понимал. Иногда нам даже не нужно было говорить, мы просто знали о чём другой думает. Часто мы вместе мечтали о том, какими будем, когда станем взрослыми: я хотел стать рыбаком, как и мой отец, он, как и его отец, хотел стать плотником. Иногда мы пытались сманить друг друга на свою сторону, показать, как это здорово: я водил его на рыбалку, он учил меня, как правильно выстругивать табурет. Это было так... просто... вся наша жизнь. И именно этого сейчас не могло принять моё сердце. Если это было так просто, почему этого больше не будет? Ответ на этот вопрос я искал и не мог найти.

После этой смерти в деревне словно наступил какой-то перелом, люди испугались, их уже не могли сдерживать прежние законы и правила. Кроме того, к этому времени заболела уже едва ли не большая их часть. Некоторые бросали всё и просто пытались сбежать... хоть куда-то. Умерших никто не хоронил.

Болезнь начиналась, как обычная простуда. Это и было самым опасным в ней. Никто не ожидал, что люди начнут умирать от такого. У человека начинался жар, он некоторое время не мог встать с постели, потом вдруг жар спадал, и на теле выступали небольшие красные пятна, но человек уже мог, как раньше свободно двигаться и даже работать. Больные после этого почти не напоминали больных, говорили, что чувствуют лишь небольшую слабость, а ещё спустя пару-тройку дней они просто умирали и всё. Иногда это даже случалось прямо на улице.

Вскоре отец с матерью вновь вышли поговорить. В тот день они уже больше не спорили, быстро обсудили что-то и уже буквально через полчаса зашли ко мне в комнату. Вместе с ними был какой-то незнакомец. Я совсем не успел заметить, когда он вошёл к нам в дом: он передвигался как-то слишком бесшумно.

Этот мужчина выглядел очень странно. Всё его тело было под плотной одеждой, даже кисти рук. На лице у него была какая-то повязка, которая скрывала нос и рот. Едва он зашёл, как протянул мне такую же. Я её взял просто от растерянности. «Альтаир, надень», – сказал мне отец. Впервые за мою жизнь он назвал меня полным именем, а не как обычно и как все, «Альтом», поэтому я растерялся уже окончательно и торопливо, просто механически, выполнил его приказ.

От повязки сильно пахло какими-то травами. На ощупь она была липкой и влажной, словно внутри неё был мёд. Я завязал её на два узла, накрепко, и мельком, искоса, взглянул на отца, тот одобрительно, но слегка невпопад, как-то странно, мне кивнул. В тот миг я всё ещё ничего не мог понять.

За всё это время странный незнакомец не произнёс ни слова, поэтому для себя я решил, что он возможно немой. Я чувствовал, что обижать такого человека будет как-то нечестно, потому решил сделать вид, что всё в порядке и разобраться во всём этом потом.

Некоторое время родители стояли и просто смотрели на меня. В их взглядах я видел неприкрытые боль и тревогу. Незнакомец вдруг развернулся и направился к выходу. Не знаю почему, но у меня вдруг сложилось впечатление, что его это всё раздражает. Отец попросил его

задержаться ещё на чуть-чуть, потом вдруг почему-то добавил, что мы успеем к сроку. Незнакомец медленно кивнул, окинул меня быстрым взглядом и вышел за дверь. Таким образом он видимо дал понять, что подождёт снаружи. Отец вдруг сказал, что гордится мной и чтобы я и в дальнейшей жизни не забывал их уроки, то как нужно себя вести, в остальном он наказал мне слушаться этого человека. «Мы с тобой уехать не можем, может позже...», – сказала мне мать. Я же просто стоял и не мог выдавить из себя ни слова. С собой мне не дали взять ничего, даже складной деревянный стульчик для рыбалки, подарок друга. Одежду тоже заставили сменить на ту, что была у этого человека, мою старую при этом просто оставили на полу.

Мы с незнакомцем вышли из деревни к реке, сели на какой-то огромный плот, который нас уже там ждал, и начали сплавляться вниз по течению. Плыли мы так с неделю, может даже больше, причём даже по ночам к берегу незнакомец не приставал. Всё это время я чувствовал, что он словно за мной наблюдает. Со мной он не говорил и вообще старался держаться подальше, просто изредка подходил, оставлял неподалёку еду и воду с какими-то травами и также жестами указывал мне, чтобы я это ел и пил. Вода была горькой, но больше он ничего не давал и мне приходилось пить то что было. Иногда у меня довольно сильно кружилась голова, и меня тошнило. Возможно несколько раз я даже терял сознание, потому что иногда я просыпался прямо посреди дня, всё тело было затёкшим, но я совсем не помнил, как и когда заснул.

Наконец мы причалили и сошли на берег. Незнакомец зачем-то облил плот земляным маслом, поджёг и сильно оттолкнул. Шест-весло, которым он управлял, он забросил туда же. Затем он знаками показал мне снять одежду, а сам принялся разводить костёр. Я послушно подчинился, ведь это было по воле отца, я знал, что сейчас слово этого человека всё равно, что его слово.

Незнакомец швырнул мою одежду в огонь, затем туда же кружку, из которой я пил, чашку и ложку. Сам он тоже разделся и тоже сжёг свою одежду и всё с чего ел и пил, все пустые мешки и сумки, так что из вещей у нас теперь вообще ничего не осталось.

Он положил на землю у моих ног лист бумаги, перо и чернильницу. Я растерянно прочитал, что там было написано. Всего несколько слов. «Сегодня я умер», моё имя, дата и место для подписи. Незнакомец поморщился и нехотя указал мне пальцем прямо на него. По нему было заметно, что он по-прежнему не хочет ко мне слишком приближаться.

Я обмакнул перо в чернила, почему-то бордово-красные и подписал документ. Мне было страшно и я всё меньше доверял этому человеку, очень хотел домой. Он взял у меня бумагу, закрыл глаза, поднял лицо к небу и произнёс беззвучно, одними лишь губами, несколько каких-то долгих фраз. Со стороны это выглядело так, будто он молится. Затем он бросил бумагу в огонь и туда же перо с чернилами.

Когда бумага вспыхнула, я был готов поклясться, что услышал прямо оттуда, из костра, какой-то жуткий тихий стон, словно стон человека при смерти и этот голос напоминал мой собственный. Причём напоминал настолько, что был едва ли от него отличим.

Незнакомец подошёл к какому-то валуну, отвернул его и достал двое чистых штанов и маек, протянул мне кусок мыла с какими-то травами и знаками указал вымыть всё тело, сам он в этот миг принялся делать то же.

Мы оделись в новую одежду и продолжили путь. Дороги не было, мы просто шли прямо через поля, перелески и почти не останавливались. Так прошло около двух дней. Мне жутко хотелось пить, но я молчал, не хотел к нему обращаться.

Спустя ещё какое-то время мы наконец пришли в другую деревню. Она была в несколько раз меньше нашей: всего несколько дворов, магазин, кузница и прочее. Незнакомец завёл меня в какой-то дом, усадил в сених и вдруг произнёс: «Жди здесь». От удивления, что он может говорить, я сам едва ли не потерял дар речи.

Чуть позже он вернулся с какими-то людьми, мужчиной и женщиной, «дядей Брегом» и «тётей Файей», как они мне представились, сказал, что теперь я буду жить здесь и почему-то, что «его работа закончена». Сам он ушёл из этой деревни в тот же вечер. Я успел лишь заметить, что перед этим «дядя Брег», сильно хмурясь, вынес и отдал ему довольно увесистый с виду кошель. «Тётя Фая» не вмешивалась, но потом, после того, как «дядя Брег» вернулся в дом, а незнакомец отошёл достаточно далеко от двора, начала громко ругаться и говорить что-то в запале. «Дядя Брег» тоже что-то тихо сказал, и она замолчала. В этой последней его фразе я почувствовал примерно такие же интонации, какие возникали в голосе у моего отца, когда с ним было бесполезно дальше спорить.

Ко мне они зашли примерно через полчаса, или даже чуть больше, лишь когда уже окончательно успокоились и «остыли». Дядя Брег сказал, что он давний друг моего отца и чтобы я ничего не боялся. Тётя Фая молчала и просто смотрела как-то слегка по-матерински. Такой взгляд люди не приобретают просто так. Я сразу понял, что у них должны быть дети.

Дядя Брег ушёл куда-то, а тётя Фая отвела меня на кухню и накормила. Еда была очень вкусной, но я старался помнить о приличиях и не слишком уж налегать. Кроме того, на дворе была уже почти ночь, и я понимал, что они, возможно, хотят спать, а я их задерживаю.

Я ожидал, что по крайней мере сегодня меня точно положат спать на полу, но мне сразу же выделили собственную комнату. Она была небольшой, но уютной и отдельной от всех, прямо рядом со входом. После ночёвок на плоту и на земле в поле даже жёсткая деревянная кровать в ней показалась мне мягкой пуховой периной. Почти сразу же после того, как моя голова коснулась подушки, я провалился в глубокий беспробудный сон.

На следующее утро я сразу же подошёл к дяде Брегу и спросил есть ли для меня какая-нибудь работа. Гостеприимство это конечно хорошо, но я не хотел становиться нахлебником. Кроме того, я всё ещё помнил тон тёти Фаи, когда она спорила с ним насчёт денег. Родители конечно рассчитаются, я не сомневался, но это ведь будет позже, не сейчас. До тех пор мне нужно было хоть как-то оправдать своё тут пребывание.

Дядя Брег спросил, что я умею делать, я ответил, что рыбачить. На самом деле это было первое, что пришло мне на ум. Он посмотрел на меня как-то слегка недоверчиво, но дал мне нож и сказал, что лес тут неподалёку и что он отпустит меня на реку, если я смогу сам сделать себе удочку.

Я закончил её примерно через два-три дня, старался не спешить, делать сразу на совесть. Отец не раз говорил мне, что лучше потратить время и обзавестись хорошими инструментами, чем потом каждый раз терять его во время работы, мучиться и жалеть.

Это было странно, но в этой деревне не было ни одного рыбака, все держали хозяйство или охотились. Дядя Брег поворчал ещё немного на тему, что учить меня будет некому, но слово своё сдержал и на рыбалку меня отпустил.

Мне повезло, и уже в тот раз я вернулся с довольно солидным уловом. Дядя Брег сказал, что раз мне это нравится, то я могу помогать им так, а он уже разберётся, что с этой рыбой делать дальше. Через пару дней, он и правда поговорил с владельцем местного магазина и стал через него её продавать. Ну и конечно какую-то часть моего каждодневного улова тётя Фая оставляла на готовку, думаю, так она показывала мне, а заодно и всей остальной деревне, что они и сами не брезгают такой едой.

Дети дяди Брега и тёти Фаи, две девушки и парень, были намного старше меня. И наверное поэтому же не обращали на меня особого внимания. У них были свои проблемы. Девушки строили планы, как удачнее выйти замуж, парень уже работал подмастерьем у кузнеца и если и появлялся домой, то очень сильно уставший, угрюмый и молчаливый. С ним наше общение вообще ограничивалось обычным обменом приветствиями. Хоть он при этом мне и улыбался.

Дом, в котором я жил сейчас, был большим, намного больше нашего. Кроме того, неподалёку были ещё два почти достроенных дома, для девушек-дочерей. Видимо дядя Брег хотел подарить им их в приданое. И заодно сделать так, чтобы они жили под приглядом. Иной раз у меня вообще возникало ощущение, что он переживает за них едва ли не больше, чем их мать.

Так прошёл месяц. Я понемногу ко всему привык и просто ждал. Болезнь в нашей деревне уже должна была закончиться. Родители вот-вот должны были за мной приехать или хотя бы кого-то прислать.

Спустя ещё пару дней к нам действительно приехал гость, какой-то молодой мужчина, но почему-то не из нашей деревни и совсем без поклажи, налегке. Я на всякий случай сразу собрался и стал ждать новостей. На душе у меня было радостно, ведь раз кто-то всё же приехал, значит всё хорошо и родители обо мне не забыли.

Дядя Брег заперся с гостем на кухне, и они о чём-то очень долго с ним говорили. Тётя Фая зашла к ним в середине их разговора, но почти сразу же вышла, вид у неё при этом был виноватый и растерянный. Мне она сказала, что пока её мужа лучше не трогать и что он вечером сам мне всё объяснит. Я естественно ответил, что всё хорошо и что я всё равно собирался на реку.

До вечера я еле дотерпел, рыбы поймал на рыбалке всего ничего, больше просто сидел, смотрел на воду и думал. Если бы вести были добрыми, то мне бы сказали сразу. Почему дядя Брег сказал до вечера его не трогать? Что такого мог сообщить ему этот человек? Чем больше я обо всём этом думал, тем больше боялся. Я уже согласен был не уезжать, а хотя бы просто услышать, что ошибаюсь и с родителями всё хорошо.

Домой я вернулся уже ближе к ночи. Дядя Брег молча сидел на лавочке во дворе и хмуро разглядывал звёзды, взгляд у него был спокойным, но каким-то словно тяжёлым, мрачным. Не знаю почему, но я сразу почувствовал, что он ждёт меня уже довольно давно. Я подошёл к нему и остановился напротив. Дядя Брег встал, долго смотрел на меня, а затем сказал, что родители велели мне ненадолго здесь задержаться, его покачивало, и вообще он, кажется, с трудом держался на ногах, это было странно, потому что до этого я ни разу не видел его пьяным. Затем он сразу развернулся и ушёл в дом. Я постоял немного и тоже побрёл к себе в комнату.

Со следующего дня всё вновь пошло своим чередом. Так, прошёл месяц, затем два месяца, три, четыре и наконец незаметно и год. За это время я слегка подрос, подучился рыбалке, но ближе этой семье так и не стал. Каждый день я по-прежнему ждал известий, ждал, когда же меня наконец отсюда заберут. Я часто просился домой, спрашивал, но дядя Брег каждый раз говорил мне, что всё хорошо. Когда я спрашивал его о своих родителях, его лицо чуть уловимо менялось, он улыбался, но в глубине его глаз я видел печаль. Иногда после этого он начинал рассказывать мне о море, о том, как они жили далеко-далеко и выходили в него на огромной лодке рыбачить вместе с моим отцом. Как оказалось даже наша собака, Тунец, осталась у отца с тех самых пор.

Я чувствовал, что от меня скрывают что-то важное, что за этими пустыми разговорами есть что-то ещё. Я чувствовал и боялся.

Отсюда нужно бежать.

Не знаю когда мне впервые пришла в голову эта мысль, но потом я стал думать об этом постоянно. Мне в любой миг могли сообщить, что родителей больше нет. Скорее всего я хотел сбежать именно потому что боялся этих слов. У меня было ощущение, что если их мне не скажут, то всё обойдётся, всё можно будет изменить.

Вскоре после этого я начал незаметно таскать с кухни еду. Я не гордился тем, что делаю, но успокаивал себя мыслью, что ещё смогу сюда вернуться и всё возместить. Я боялся, что меня поймают, но ещё больше я боялся остаться здесь навсегда.

Наконец настал день побега. Еды было уже достаточно, а дорогу я помнил даже сейчас. Я планировал добраться до той реки, по которой мы сплавлялись и просто пойти против её течения по берегу пешком. Я не знал сколько это может занять времени, поэтому готовился всерьёз: отец всегда учил меня перестраховываться в важных вопросах.

Был поздний вечер, до ночи оставалась пара часов. Я как обычно вернулся с рыбалки и заперся у себя в комнате. Теперь мне оставалось лишь собраться и подождать, пока все уснут.

Я разложил всю еду по полу и хотел начать складывать её в сумки, как вдруг внутренний крючок на двери моей комнаты лязгнул, и она распахнулась. Кожей спины я ощутил на себе чей-то тяжёлый пристальный взгляд.

– Что ты делаешь?

Заскрипели половицы. Дядя Брег подошёл ко мне и положил мне на плечо руку. Я вздрогнул и быстро осмотрел свои запасы. Выглядело всё это ужасно, я чувствовал себя словно вор.

– Я... играю.

На самом деле я произнёс первое, что пришло мне в голову, не мог же я напрямую заявить, что собираюсь сбежать.

– Посмотри на меня.

Дядя Брег убрал руку с моего плеча. Я испуганно развернулся. По его голосу я понял, что ничего хорошего меня не ждёт. Я пару раз видел этого человека, когда он злился. И это пугало меня. Он был довольно строг к своим детям, хоть и всегда справедлив: кричал на них лишь за дело. Я набрался смелости и взглянул ему прямо в глаза.

– Хорошо. – дядя Брег посмотрел на меня пристально. – А теперь скажи правду. Я долго делал вид, что ничего не вижу, но..., это уже начало переходить всякие рамки.

В его голосе прорвались раздражённые интонации. Он всё ещё держал себя в руках, но я чувствовал, что ещё немного и он сорвётся.

– Я всё равно уйду!

Я вдруг тоже ощутил злость и бросил сумку на пол. Они не имели права меня тут задерживать, я чувствовал, что я прав. Лицо дяди Брега изменилось: судя по всему этого он явно не ожидал.

– Такой же... Тебя ничто не остановит, да? Тебе некуда возвращаться, я просто не хотел тебе говорить.

Он посмотрел на меня как-то слегка растерянно, осёкся и замолчал.

Я подошёл и поднял с пола сумку. Не знаю зачем я это сделал. Эта вещь была моей единственной надеждой. Я... должен был уйти прямо сейчас.

– Сомневаюсь, что твой отец учил тебя этому.

Дядя Брег задумчиво посмотрел на меня и шагнул в сторону. Путь был свободен, я мог уйти, но...

Я повернулся к нему и поставил сумку на пол. Он кивком указал мне на кровать.

Я отошёл и присел. Он плотно закрыл дверь, взял стул и уселся напротив.

Некоторое время дядя Брег молчал, затем залез в карман, достал какую-то небольшую деревянную коробку и протянул мне. Я так же молча её взял. От коробки сильно пахло травами и... этот запах я знал: так пахла та повязка, которую на меня надели, когда отправляли сюда. Внутри коробки, среди трав, лежали обручальные кольца моих родителей. Я знал, как выглядит каждое из них, и ни за что бы не спутал. На кольцах была копоть, и сами они слегка оплавились. Я закрыл коробку: не смог заставить себя к ним прикоснуться.

Дядя Брег тяжело вздохнул.

– Вашей деревни больше нет. Тебе некуда возвращаться.

Он поднялся и отставил стул, по его лицу было заметно, что он не знает, что делать. Мне вдруг стало его жаль. Он действительно был очень хорошим человеком. Хоть и слишком прямым.

– Я... останусь.

На самом деле это было всё, что я смог заставить себя сказать. Все мои призрачные надежды рухнули, и теперь мне оставалось лишь жить. Здесь. В чужом доме. Дядя Брег молча кивнул, вышел и закрыл за собой дверь. Коробку с кольцами он оставил.

Прошло сколько-то времени. Я сидел на кровати и пытался заставить себя сделать хоть что-нибудь. Мысли плавали, словно в каком-то тумане. Одна из них постоянно повторялась, и я никак не мог её отогнать. Что изменится, если я сейчас переставлю коробку на стол? Что изменится, если лягу спать? Что изменится, если сбегу, как и планировал?

В дверь негромко постучали. Я хотел что-нибудь ответить, но не мог, потому что это бы тоже ничего не изменило.

Дверь открылась и в комнату вошла тётя Фая. Я вдруг понял, что даже не чувствую стыд за разбросанные по полу припасы. Эти вещи не были моими. Тут вообще всё было чужим, кроме этих двух колец в коробке. И сам мой мир, казалось, теперь тоже там.

Тётя Фая подошла, молча взяла коробку у меня из рук, переставила её на стол и присела на кровать рядом со мной. От неё почему-то пахло свежим хлебом. Я не знал, что мне делать. Я хотел, чтобы она ушла, и боялся оставаться один... с этими кольцами.

– Поплачь.

Тётя Фая вдруг обняла меня, прижала к себе и начала гладить, так иногда делала и моя мама. Я почувствовал, как у меня из глаз сами собой катятся слёзы. Они катятся, а я не могу их остановить. Это было нечестно. Это было несправедливо всё. Даже то что меня утешает чужой человек. Ей ведь не должно было быть до меня дела. Я вспоминал, как отец впервые сказал, что он мной гордится, как мама однажды сильно пересолила кашу и в шутку ругалась потом, как каждый вечер читала или рассказывала мне сказки. Так прошло ещё сколько-то времени. Слёзы у меня закончились, но в душе по-прежнему была пустота. С кухни запахло горелым.

– Ой! Пирог!

Тётя Фая осторожно отстранила меня и виновато улыбнулась. Я лишь кивнул. Она встала, ещё раз провела рукой мне по волосам и вышла. Я поднялся, подошёл к двери, закрыл её на крючок и лёг на кровать. Спать мне не хотелось, скорее уж я хотел прикинуться, что сплю, сделать так, чтобы меня больше не трогали. Тётя Фая вернулась чуть позже, постучала, но я не открыл, а открывать крючок снаружи, как до этого сделал её муж, она не стала.

В ту ночь я не спал и слышал, как уже под утро тётя Фая прошла на кухню и там тихо плакала, наверное мой неудавшийся побег что-то задел в её душе, возможно она представила на моём месте своего ребёнка. Я слушал, и мне было действительно её жаль, до этого я как-то не задумывался, что они чувствуют.

Так я и остался один. Не знаю почему, но я сразу это принял. Тогда во мне словно что-то сломалось, наверное я просто слишком долго ждал этих слов. Я чувствовал, что дядя Брег человек хороший и раз не пускает меня домой и ничего мне не говорит, значит мои родители тоже уже заболели и умерли. В глубине души я уже давно знал эту правду, просто не хотел признавать. Когда родители отправляли меня в путь, то выглядели они слегка странно, не как обычно. Тогда я решил, что эта краснота от волнения, но судя по всему у них уже тогда начался жар. Они отправили меня, когда сами поняли, что заболели. Поэтому же меня на прощание не обнял ни один из них. Даже сейчас я помню, как они тогда молча стояли.

На следующий день я старался вести себя, как обычно. Больше всего я боялся, что дядя Брег и тётя Фая теперь попробуют что-то изменить, стать мне ближе. Не знаю почему, но от одной этой мысли меня охватывала дрожь.

Я отнёс всю сворованную для побега еду на кухню, оставил на столе и сразу же ушёл на реку. В тот день я почти не рыбачил, просто сидел, смотрел на воду и думал как это лучше

сказать. Как выразить мысль, что они мне не родные. Как заставить их понять, что я больше не хочу никого терять, ни к кому привязываться.

В конце концов я решил написать им записку. На самом деле я просто боялся, что у меня не получится такое сказать. «Вы не моя семья», – написал я просто, потом подумал и добавил, – «простите». Записку я оставил на столе рядом с вымытой посудой, с которой ел.

В ту ночь тётя Фая снова плакала. Я изо всех сил зажал уши подушкой, но всё равно слышал её. Или представлял себе, что слышу. За все решения человеку приходится платить. И иногда даже не своей, а чужой болью. Я чувствовал, что я очень плохой человек.

Несколько дней после этого я старался вообще не попадаться никому на глаза, каждый день вставал как можно раньше, брал удочку и убегал на реку. На рыбалке я выкладывался по полной, ловил разную рыбу, а не только один какой-то её вид. Интуиция мне подсказывала, что продавать её хозяину магазина так будет проще. Возвращался я тоже поздно, высыпал улов в бочку в погребе, быстро съедал оставленный мне на столе ужин и ложился спать. Потом в доме вдруг случилась неожиданность, которая меня спасла. Старшая дочь дяди Брега и тётя Фаи привела парня и объявила родителям, что хочет выйти замуж. Они согласились и все в доме стали настолько заняты подготовкой к свадьбе, что им стало не до меня.

Свадьба получилась пышной, и, кажется, на ней были гости даже и из других деревень, их разместили в первом достроенном доме. Праздник продолжался около двух недель. Я же старался просто заниматься своими делами. Не знаю уж, как дядя Брег и тётя Фая объяснили моё поведение, но из гостей за это время ко мне тоже никто не лез, как бы сильно они не напивались.

Насчёт колец родителей дядя Брег так ничего мне и не сказал, но мы с ним оба друга поняли. Эти вещи по праву принадлежали мне, а значит лишь я один мог решать, что с ними делать. Пока же они просто лежали у меня в комнате, в коробке, и я каждую ночь разглядывал их перед сном. Иногда после этого мне снились родители. Они шли еле видимые, чуть улыбаясь, куда-то, я кричал им, что они меня забыли, но они не слышали меня.

Легко оставаться человеком, когда всё идёт хорошо. Намного сложнее, когда всё разваливается, когда рушится сама твоя жизнь. У меня не раз возникало искушение отбросить все правила и просто начать мстить всем подряд. Мстить самому этому миру. Меня останавливало лишь понимание того, что никто в моих несчастьях не виноват, даже я сам. Так, борясь каждый день сам с собой и поддерживая высокую неприступную стену между собой и другими, я прожил следующие два года.

Глава 2. Встреча.

Жизнь странная штука. Иногда она преподносит сюрпризы именно тогда, когда их меньше всего ждёшь. День, когда мне исполнилось двенадцать, был самым обычным. Семье, которая меня приняла, я особо о себе не рассказывал. Дядя Брег спросил как-то, когда у меня день рождения, но я соврал, что мы никогда их не отмечали. Помню наговорил ему что-то в том роде, что свободный человек не должен принимать даров и даже именем отца прикрылся, сказал, что он меня этому научил. Дядя Брег нахмурился, но больше ко мне с этим вопросом не подходил и меня не звал на их праздники. Думаю, даже несмотря на весь свой суровый вид он неплохо разбирался в людях, понимал, что нужно именно мне. За это я был ему сильно благодарен. Впрочем, тётя Фая всегда оставляла для меня на столе праздничное угощение и кусок пирога или торта, но с этим я уже ничего поделаться не мог, отказываться было бы уже просто хамством.

Иногда я съедал праздничную еду дома, но чаще всего перекладывал всё в свою походную чашку, мыл посуду, чтобы не оставлять тётю Фае лишний труд и уходил на реку. Этим я ещё сильнее уменьшал шанс того, что кто-либо попытается ко мне присоединиться. Может я и обижал людей, которые меня приняли, но я просто не хотел больше ни к кому сильно привязываться, не хотел однажды снова испытать ту боль. Родители мне за это время снились перестали, и я ввёл себе правило не вспоминать их лиц и вообще свою прошлую жизнь, считать это всё как бы легендой, предысторией.

Когда я проснулся, то сразу понял, что что-то не так. С кухни пахло чем-то вкусным, но тётя Фая до этого никогда не просыпалась раньше меня. Я лежал в раздумьях встать или нет и что вообще происходит.

В конце концов любопытство победило. Я поднялся, оделся, взял удочку и... пошёл на кухню. Там никого не было, но на столе стояло угощение и пирог с двенадцатью горящими свечками. Возле него была простая записка: «Рыбу сегодня не лови, встретить хорошо свой праздник». Почерк я узнал сразу, буквы были округлыми, записку написала тётя Фая. Я вдруг почувствовал, как в горле у меня встал какой-то противный, липкий комок. Я всё же обижал этих людей, хоть и не хотел обидеть.

«Пусть у этой семьи всегда всё будет хорошо, пусть эти люди будут здоровыми и живут долго», – подумал я, наклонился и задул свечи. В тот миг у меня не было других желаний, это действительно было тем, что я хотел.

Я разрезал пирог, взял себе три куса, уж слишком он был румяным и аппетитным, а остальное просто оставил на столе. Своё упрямство я всё же смог убедить, что это не приглашение на праздник, а просто ответный вежливый жест. Да и вообще кем бы я был, если бы всё сграбастал.

Я собрал всё в сумку и пошёл на реку. Удочку я всё же с собой тоже взял. На случай, если просто самому вдруг захочется порыбачить.

На реку я пришёл ещё затемно. Любой, даже самый неопытный рыбак знает, что лучший клёв именно в это время, в предутренние часы, когда ещё стоит роса, прохладно, безветренно и тихо. Это же время на рыбалке я больше всего любил.

Я спустился к воде, открыл сумку и достал приманку. Что ни говори, а привычка, которая выработалась у меня за эти три года, оказалась слишком сильна. Кроме того, я не знал, чем тут ещё пока можно заняться, а есть ещё не хотел.

Вдруг откуда-то сбоку донёсся лёгкий запах дыма. Я захотел повернуть голову и посмотреть, но внутри меня что-то словно этому воспротивилось. Внутренний голос нашептывал мне:

«не смотри», «не смотри», «не смотри». Не знаю почему, но тогда я стал сознательно с ним бороться. Я медленно поворачивал голову, а по спине у меня раз за разом пробежала дрожь.

Неподалёку, чуть выше по течению реки, горел костёр. Возле него сидел мужчина и смотрел прямо на меня. На вид ему было примерно двадцать один – двадцать три. На нём был серый потёртый плащ с капюшоном и старые стоптанные сапоги. Возле костра лежала заплечная сумка и посох.

«Мистик», – понял я вдруг и почувствовал, как меня медленно охватывает ужас. Мистик – это человек вне закона. Светлые маги всегда их разыскивают, но никто толком не знает зачем. Однажды я краем уха слышал, что и в мою родную деревню чума пришла не просто так. Вроде бы потом Светлые маги как раз и нашли там неподалёку какого-то мистика. Всё это конечно могли быть лишь слухи, но..., сейчас я действительно хотел оказаться отсюда как можно дальше.

Внутренний голос изо всех сил кричал мне бежать. И всё же я почему-то сидел и не мог заставить себя пошевелиться. Взгляд этого человека меня сковал. В его глазах было какое-то ледяное спокойствие. Он смотрел на меня и словно чего-то ждал.

Я медленно положил приманку обратно в сумку и закрыл её. Теперь я хотел просто вскочить и побежать. На самом же деле мне удалось лишь так же медленно, неловко, подняться. Ноги подкашивались, и я едва сдерживался, чтобы не расплакаться. Я никогда не боялся людей, но этот..., он, кажется, даже не моргал. И что самое страшное я не мог понять, зачем он меня изучает. Зачем ему нужен я.

– Эй, мальчик!

Мистик вдруг резко поднялся и взял посох. Я отчаянно бросился бежать. Удочка и сумка выпали, но я даже и не подумал их поднимать. Спустя же ещё миг я зацепился ногой за что-то вроде тонкой невидимой нити. Она натянулась и прилипла ко мне. Я огляделся и вдруг понял, что бегу не туда. Вместо того, чтобы бежать прямо к дому, я почему-то побежал вдоль реки. Наверное всё дело было в темноте или в том, что к этому моменту глаза мне уже застилала слёзы.

Мистик почему-то вздохнул и медленно побрёл ко мне. Я слышал вдалеке тихий хруст гальки под его шагами. «Бежать! Бежать, скорее!», – я лихорадочно попытался сбросить с ноги проклятую нить, но она лишь ещё сильнее меня опутала.

Спустя ещё несколько мгновений нога уже не двигалась, и прилипли ещё и руки. Я отчаянно рванулся, потерял равновесие и запутался в нитях уже весь. Как оказалось их тут были десятки, если не сотни.

Я в ужасе плакал и пытался освободиться, но лишь всё больше и больше увязал. В конце концов какая-то из нитей прилипла к моему лицу и намертво склеила мне губы. Теперь я не мог уже даже кричать. Моё сердце билось часто-часто. В тот миг я впервые столкнулся с магией, но сразу понял, что это она. Мистик тем временем подошёл уже совсем близко.

Он остановился в паре шагов, опёрся на посох и пристально на меня посмотрел. На его лице отразилось едва заметное колебание. Я заглянул ему в глаза и понял, что он гораздо старше, чем кажется. В их глубине была какая-то серьёзность, сила, мудрость. Я чувствовал это, но никак не мог полностью уловить.

Его посох напоминал посохи Светлых магов, но и отличался от них. Посохи магов выглядели декоративно, утончённо, а этот был скорее уж обычным дорожным. По нему было заметно, что он явно уже многое повидал.

Мистик ещё раз вздохнул, зачем-то провёл вокруг меня несколько раз посохом, подхватил меня под мышку и понёс к своему костру. Я отчаянно пытался кричать и вырваться, но моё тело не двигалось, и я не мог произнести ни звука.

– Полежи здесь немного. И не бойся, это скоро само пройдёт.

Он осторожно уложил меня на гальку и повернул лицом к костру. Сам он уселся рядом и чуть сбоку, так, чтобы я его видел.

Проходило время, и мой страх понемногу начал отступать. Я изо всех сил старался взять себя в руки. Путы, которые сковали моё тело, постепенно слабели. Заклинание теперь ощущалось, как верёвка, которая опутала меня с головы до ног. Я даже чувствовал кожей её отдельные особо толстые нити.

– Пока не двигайся, можешь пораниться. – мистик посмотрел на меня недовольно. – Ты видимо случайно задел мою ловушку. Я её на всякий случай поставил, чтоб знать если кто-то придёт. Подожди, я сейчас принесу твои вещи. Я быстро.

Он задумчиво повертел посох в руке, положил на землю, а сам лёгкой быстрой походкой отправился за моими вещами. Я понял, что уже могу говорить, но ещё вряд ли двигаться и теперь размышлял стоит ли ему дать об этом знать. Основная проблема была в том, что я не мог теперь понять, как к нему относиться. Конечно он был мистиком, да, но..., вёл-то он себя по-человечески.

– Вот.

Мистик поставил мою сумку возле костра и придирчиво оглядел удочку. В его до этого абсолютно непроницаемых глазах вдруг вспыхнул какой-то интерес, даже любопытство. Он рассматривал её, вертел, гнул и что-то про себя бормотал.

– На небольшую рыбу.

Я торопливо замолчал и уже пожалел о сказанном. Мистик отложил удочку и повернулся ко мне.

– Как ты понял, что я здесь? В смысле не сейчас, до этого.

Интерес в его глазах сменился ледяным холодом. Он задал вопрос именно для того, чтобы получить ответ.

– Я почувствовал запах дыма и повернул голову. Вот и всё.

Я старался говорить твёрдо, но мой голос всё равно противно дрожал. Незаметно для мистика я напрягал тело и пытался освободить хотя бы руки. Мистик посмотрел на меня озадаченно.

– Преодолею заклинание силой воли, ну-ну...

Он отвернулся и задумчиво посмотрел куда-то вдаль, на воду. Я промолчал. Что ему сказать на это я не знал. Кроме того, я очень сильно боялся его обидеть. Кто знает, что он мог бы сделать, если бы вдруг решил, что я над ним смеюсь.

Некоторое время мы с ним просто молчали. Мистик присел и судя по всему размышлял о чём-то своём. В его взгляде читалась какая-то растерянность, неверие. Кроме того, по нему было заметно, что он сильно не доверяет мне и словно чего-то опасается.

Так прошло ещё сколько-то времени, и вдруг я понял, что уже могу двигаться. Нити заклинания истончились, и когда я шевелился, рвались одна за другой. Мистик вдруг посмотрел на меня, взял посох и пересел ко мне ближе.

– Закрой глаза и не шевелись.

Он начал беззвучно шевелить губами и водить посохом над моей головой. Я испуганно зажмурился. Оставшиеся нити заклинания вдруг одновременно разорвались и исчезли. Я неуверенно открыл глаза.

Мистик отложил посох, протянул мне руку и помог сесть. Я вздрогнул и как можно незаметнее поёжился. Кисть его руки была тонкой, но почему-то сильной, а сама её кожа на ощупь холодной, словно вода.

– Ты попал в заклинание паутины. – мистик пересел на прежнее место. – Оно вообще слабое, но зверя остановить может. Ну, или обычного человека. Если честно, то я собирался сейчас немного поспать.

Он задумчиво взял ветку и подбросил её в костёр. «Обычного...», – подумал я вдруг. Это последнее уточнение звучало довольно зловеще.

Руки и ноги у меня покалывало. Я хотел встать и размяться, но не знал стоит ли. Мистик конечно вёл себя доброжелательно, но всё это вполне могло быть проверкой, игрой. Он мог специально дать мне свободу, чтобы за мной понаблюдать.

Я долго колебался, но в конце концов решил вести себя, как обычно, прикинуться, что я его не боюсь. Я поднялся, помахал руками и ногами, прошёлся до воды, умылся и вернулся к костру.

На реке тем временем уже светало. Мистик достал книгу, перо, чернила и начал что-то сосредоточенно писать. Я взял из сумки несколько закидушек, наживил их, забросил и поставил на колокольчики.

Так прошло сколько-то времени. Я поймал пару довольно больших рыбин, а мистик закончил писать. За это время мой страх улёгся уже полностью. Я рассудил так: «если бы мистик задумывал причинить мне вред, то уже бы это сделал, а раз не сделал, значит и не задумывал». Его костёр догорел, но мы по-прежнему сидели возле него, поглядывали друг на друга и молчали.

Домой я идти не хотел. Да и в конце концов в ситуации этой был виноват не я и мне не хотелось из-за этого портить себе первый за три года нормальный праздник. Я достал кусок пирога и молча протянул его мистика. Он удивлённо посмотрел на меня, но так же молча его взял.

Мы сидели, ели пирог и смотрели на реку. Не знаю о чём думал этот странный человек, но самому мне просто думать ни о чём не хотелось. Мистик не знал меня, а я его и меня это вполне устраивало. Солнце припекало, пирог был вкусным и даже всё ещё тёплым, река медленно бежала прочь. Мистик доел свой кусок, поднялся и взял посох.

– За угощение благодарю. Держи, небольшой подарок. У тебя ведь день рождения сегодня?

Он направил посох на реку, что-то сосредоточенно прошептал, словно прислушался и медленно кивнул. Меня охватило какое-то странное чувство. Я вдруг ощутил движение какой-то невидимой силы вокруг себя. Это был ветер, но и не ветер. Эта сила была неосознанной, моё тело её не чувствовало, её чувствовал я сам. Ощущение было похоже на то, которое я испытал, когда подходил к заклинанию «сети», но это было во много раз сильнее.

– Иди.

Мистик указал мне на реку. Я посмотрел, но не заметил ничего, никаких изменений. В глубине холодных глаз мистика вдруг заискрились насмешливые огоньки. Он подчёркнуто-важно отложил посох и присел. Объяснять он мне судя по всему ничего не собирался.

Я вздохнул и пошёл к воде. Не знаю почему, но магии я к этому моменту уже не боялся. Логика мне подсказывала, что мистик сделал что-то с рекой, но я не понимал, что именно.

Я постоял немного, подумал, затем сбросил обувь, штаны и рубаху. Для того чтобы проверить, что не так стало с рекой, мне нужно было просто в неё войти. Мистик молчал, но я даже спиной чувствовал, как он улыбается. Из всех, кого я знал, это был действительно самый необычный человек.

Обычно я старался заходить в воду с разбегу, но в этот раз решил с этим повременить. Я подошёл к самой воде, занёс ногу и осторожно поставил её – на воду. Ступня слегка погрузилась, но вода держала меня. Ощущение было примерно такое же, как, когда идёшь по мягкой густой траве. Я растерянно оглянулся. Мистик действительно улыбался и смотрел на меня.

– Иди, не бойся, будет держать.

Он громко щёлкнул пальцами и вдруг прямо из середины реки в небо ударили два фонтана. Вода искрилась на солнце и разбрасывала множество радужных искр. От восторга у меня перехватило дыхание. Я отбросил остатки сомнений и побежал туда.

Фонтаны причудливо изогнулись и вдруг превратились в качели. Вокруг них в небо начали подниматься огромные водные пузыри. Внутри они были пустыми и тоже переливались всеми цветами радуги, когда солнце попадало на них. Река продолжала течь, но меня и качели течение словно обходило стороной, не трогало.

Качаться было здорово. Эти необычные качели были настолько лёгкими и подвижными, что, казалось, вообще не весили ничего. Любое, даже самое малейшее движение, бросало их вперёд-назад едва ли не до свечки, а несколько раз я даже действительно полностью их повернул.

Так прошло довольно много времени. Мистик молчал, а я тоже не хотел его торопить. Несколько раз я спрыгивал с качелей и просто носился по воде туда-сюда, или играл с пузырями. Всё происходящее казалось мне каким-то волшебным сном.

В конце концов я наигрался настолько, что даже устал, хотя до этого и от рыбалок-то уставал не часто. Я спрыгнул с качелей, ещё раз оглядел их напоследок, пробежался по воде и вернулся на берег. Мистик посмотрел на меня, затем глазами указал мне на реку. Я лишь кивнул. Мне и без слов было ясно о чём он меня спрашивает.

Он поднялся, взял посох, направил его на реку и произнёс всего одну короткую резкую фразу. Качели с громким плеском схлынули обратно в реку и смешались с её водой. Пузыри тоже все полопались и перестали подниматься. Мистик отложил свой посох и сел. Его улыбка погасла, а взгляд вновь стал непроницаемым. Спустя ещё какой-то миг он уже вновь открыл свою книгу и начал что-то сосредоточенно туда писать.

Я размотал удочку и стал ловить на тесто небольших рыбок. Интуиция мне подсказывала, что моего случайного знакомого сейчас лучше не трогать и не отвлекать.

Незаметно наступил вечер. Мистик развёл костёр, но писать по-прежнему не прекращал. Мне же в свою очередь оставалось лишь удивляться его усидчивости. На реке становилось всё темней и темней. Ещё немного и у меня дома всё же начали бы беспокоиться. Я и без того уже задержался насколько мог.

– Мне пора.

Я собрался, набросил сумку, взял удочку, садок с рыбой и подошёл к мистика. После всего, что произошло я был уверен, что он не станет меня задерживать. Мистик отложил книгу и задумчиво на меня посмотрел. На его лице отразилось едва заметное колебание.

– Я могу тебя отпустить..., если ты пообещаешь мне две вещи. Во-первых, никому обо мне не говорить, даже родителям. Во-вторых, не ходить сюда где-то неделю.

Он как-то слегка рассеянно закрыл чернильницу, поднялся и протянул мне руку. Это было странно, но он почему-то относился ко мне, как к взрослому. Я пожал ему руку и кивнул.

– Я не расскажу, честно.

Я поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Как бы то ни было, а я собирался сдерживать своё слово. Мне просто нужно было вести себя как обычно, как если бы я никого и не встречал.

Опасался он конечно зря, потому что рассказать мне в любом случае было некому. Кроме дяди Брега и тёти Фаи в деревне я почти и не общался ни с кем.

Я чуть отбежал и оглянулся. Мистик помахал мне рукой.

– И не ходи сюда где-то с неделю, слышишь! Ни в коем случае не ходи!

В его голосе слышалась какая-то тревога. Возможно, он собирался сотворить какое-то важное заклинание и боялся, что я ему помешаю. Я растерянно кивнул, тоже помахал ему и побежал домой.

Всю ночь я думал над тем, какое же именно важное заклинание хочет сделать этот странный мистик, может ли оно повредить нашей деревне, как он будет его сотворять и прочее, прочее, прочее... Заснул я в итоге лишь под утро, да и то лишь на час или два.

С утра я как обычно собрался, взял удочку и пошёл на реку. По дороге я не раз останавливался и отчаянно боролся сам с собой. Вообще на реке было довольно много рыбных мест, и я мог легко сменить на время своё любимое. И всё же, несмотря на все доводы разума, я шёл и шёл прямо к нему.

В какой-то миг моя внутренняя борьба прекратилась, и я понял, что проиграл. Мистик и его таинственное заклинание были слишком интересными. Обещание обещанием, но я просто не мог упустить этот шанс. Я просто обязан был вернуться туда сегодня и самостоятельно разобраться во всём.

Кто этот мистик? Что это будет за заклинание? Может ли оно причинить нашей деревне вред? Я столько раз мысленно проигрывал сцену моего с ним диалога, что уже даже успел подготовить ряд, как я считал, самых важных вопросов. Иногда я конечно спрашивал себя, что буду делать, если мистик откажется мне отвечать, но каждый раз торопливо прогонял эту мысль, как абсолютно нелепую. В глубине души я твёрдо верил, что мистик очень добрый и хороший человек.

Так незаметно для самого себя я пришёл на реку. Мистика нигде не было видно и даже его костёр не горел. Я подошёл ближе и осторожно провёл рукой над золой. Она была ещё тёплой, судя по всему мистик ушёл не так давно. Его вещей поблизости тоже нигде не было. Он просто взял и ушёл. От обиды мне хотелось расплакаться. Не было никакого таинственного заклинания. Он просто меня обманул.

Я сбросил сумку и удочку на землю. Заклинание паутины – это был мой последний шанс. Мистик должен был почувствовать, если я в ней запутаюсь. По крайней мере я очень на это надеялся. Я несколько раз глубоко вздохнул. Всё же самому лезть в ловушку, тем более невидимую, мне было страшновато. Я долго колебался и придумывал себе всё новые отговорки. Как работает этот магический фокус мистика, я представлял себе лишь смутно, поэтому решил на всякий случай сделать всё так же, как в прошлый раз.

В конце концов я решился и использовал давний совет матери: целиком сосредоточился на действии, отбросил все лишние мысли и просто побежал. Спустя некоторое время я зацепился ногой за что-то. Сердце у меня радостно дрогнуло и забилось чаще. Магия мистика всё ещё работала. Я чувствовал присутствие какой-то невидимой силы вокруг. Я побарахтался немного и уже спустя миг не мог ни двигаться, ни говорить. Теперь мне оставалось лишь спокойно дожидаться его прихода.

В «паутине» я провисел около двух или трёх часов. На реке уже светало, а мистика всё ещё не было. Моё любопытство стал понемногу сменять страх. Что я буду делать, если он не придёт, я не знал. Этот вариант в своём плане я вообще не продумывал. Несколько раз за это время я пытался выбраться сам, но «паутина» держала крепко. Затем где-то неподалёку захрустела галька, и раздались шаги.

– Три часа уже висишь и будешь висеть ещё! – донёсся его раздражённый голос.

Мистик подошёл ближе и встал напротив меня.

– Магия – это не шутки! Ты что, дурак?! Что бы ты сейчас делал, если бы я не пришёл?! Виси тут теперь и думай!

Он развернулся и сделал вид, что собирается уходить. Меня охватило отчаяние. Я уже действительно раскаивался в том, что натворил. Мистик вздохнул, остановился, вернулся, поводит посохом вокруг меня и подхватил меня под мышку.

Спустя ещё некоторое время всё было, как вчера. Я лежал у костра и чувствовал, как постепенно слабеют нити заклинания. Мистик сидел со своей книгой и что-то сосредоточенно туда писал.

Так прошло сколько-то времени. Мистик снял с меня остатки заклинания и помог мне сесть. В его взгляде всё ещё читалось неодобрение, но оно было уже не настолько сильно. Я собрался с духом и посмотрел ему в глаза. Это далось мне довольно тяжело после нарушенного обещания. Он отложил посох и вздохнул.

– Это заклинание снимать слишком долго. Я ставил его на время. Оно само исчезнет через пять-шесть дней. Хотя и я тут тоже виноват. Нужно было сразу сказать, видел же, что любопытный.

Мистик ещё раз вздохнул и посмотрел на реку. Я затаил дыхание и ждал, что он скажет ещё. Я был готов выслушать любые его упрёки. Но шло время, а мистик всё молчал. Я вдруг испугался, что слишком сильно его обидел. От этого человека исходила какая-то серьёзность, уверенность. Я чувствовал, что он относится ко мне не как к ребёнку, а как к равному. И теперь я был уже абсолютно убеждён в том, что этот человек никому не хочет причинять зла. Я вскочил и низко склонил голову.

– Пожалуйста, простите. Я думал вы тут будете делать какое-то заклинание, вот и решил посмотреть, а «паутиной» я просто хотел вас вызвать... , когда понял, что вы ушли...

Голос у меня дрогнул и сорвался, видимо оттого, что я слишком быстро говорил. Я почувствовал, как уши у меня вспыхнули. На самом деле я очень не любил извиняться, но тут действительно было за что. Мистик тоже поднялся и положил мне руку на плечо. Судя по всему это означало, что он меня прощает.

– Придётся мне видимо всё же задержаться... Ты обо мне надеюсь никому не говорил?

Он прошёл мимо меня, подошёл к воде и стал умываться. Я почувствовал смутную радость. Теперь у меня точно появился шанс обо всём его расспросить.

– Нет, никому. Да мне и говорить-то особо некому.

Я вдруг понял, что улыбаюсь. Мистик оглянулся, посмотрел на меня и тоже слегка улыбнулся. Судя по всему он не сразу понял, почему у меня такой весёлый тон.

– А почему у вас такой плохой посох?

Я понимал, что вопрос это глупый, но больше ничего быстро придумать так и не смог. Мистик как раз закончил умываться и подошёл ко мне. В его глазах вновь горели те самые насмешливые искорки. Он молча взял посох, закрыл глаза, прошептал что-то одними губами, подождал немного, словно к чему-то прислушивался, затем кивнул и протянул его мне.

Я с удивлением заметил, как посох в его руках изменился. Все трещины исчезли, навёршие резко заострились и стало похожим на огромную снежинку или звезду. На ощупь посох был холодным и слегка влажным. Я удивлённо огляделся. Из чего бы он ни был, он не мог быть настолько холодным сейчас, в такую жару. Просто не мог и всё.

– Это посох Воды. Она редко бывает слишком горячей. – мистик посмотрел на меня серьёзно. – Этот посох мне очень дорог. Это наша семейная ценность. Я получил его от отца, а он от своего. Если с ним что-то случится..., даже не знаю..., такие вещи одновременно и хороши и плохи. Они слишком заряженные, поэтому можно сказать обладают неким подобием воли, не терпят к себе неуважения. Когда я произносил последнее заклинание, я спрашивал его разрешает ли он тебе к нему прикоснуться.

Я немного повертел посох и вернул его мистика. По правде говоря, мне не слишком нравился холод, который от него исходил. Я сразу понял, что если бы я сам был мистиком и стал бы выбирать себе посох, то он обязательно был бы тёплым.

Остаток дня мы просто болтали ни о чём. Мистик сказал, что его зовут Даждий, но я сразу понял, что имя это не настоящее, «домашнее», а скорее всего «уличное». Он расспрашивал меня о моей жизни, о деревне. Я несколько раз задавал ему прямые вопросы о магии, но он просто отшучивался или не отвечал. Впрочем, о своей семье я ему тоже ничего не рассказывал, просто сказал, что временно тут живу. Мистик помрачнел, возможно догадался о чём-то, но дальше спрашивать уже не стал.

Незаметно наступил вечер. Мы с мистиком сходили в лесок неподалёку и набрали дров для костра. Я про себя отметил, что за всё это время он ни разу не использовал магию. С чем это может быть связано я не знал.

На реке совсем стемнело. Я смотал удочку и принялся ставить закидушки. Мистик сложил новый костёр на месте старого и подозвал меня.

– Смотри, сейчас будет фокус.

Он как-то хитро сложил пальцы и взмахнул рукой в направлении костра. С неё сорвался небольшой огонёк и упал на ветки. Спустя же ещё какой-то миг наш костёр уже всюду пылал.

– А можно и мне попробовать?

Я изо всех сил напряг память и постарался сложить пальцы как он. Мистик задумчиво посмотрел на меня и вздохнул. Он молча взял мою руку, помог мне составить пальцы и несколько раз показал движение руки.

– Одним лишь знаком ты тут не обойдёшься. Магия – это не так легко.

Он порылся в сумке, достал свою книгу, чернильницу и перо. Я ощутил лёгкое разочарование. Судя по всему больше он мне объяснять ничего не собирался. Спустя ещё какое-то время я собрался, попрощался с мистиком и побежал домой. Напоследок он пообещал мне, что никуда пока не уйдёт и мы завтра с ним снова встретимся.

От усталости за эти два дня я уже едва не валился с ног. Я прибежал, быстро поел и лёг спать. В ту ночь мне снилось, что я сам стал Светлым магом. Я писал книги и творил самые сложные заклинания. Впервые за долгое время я был действительно счастлив во сне.

На следующее утро я снова встретился с мистиком, хоть в этот раз слегка и проспал. Когда я пришёл, на реке уже всюду светало. Мистик чуть обеспокоенно на меня посмотрел, но промолчал. Некоторое время каждый из нас занимался своими делами: он продолжал что-то писать, я расставлял закидушки и бросал рыбе прикорм.

По небу бежали облака, да и вообще было довольно прохладно. Ветерок гнал по воде противную мелкую рябь. Я задумчиво повертел удочку и отложил её. Вместо этого я собирался немного потренироваться. Всё равно в такую погоду сильного клёва можно было не ждать.

Конечно я понимал, что магия мистиков не настоящая, но даже и она могла мне пригодиться. Чем больше времени проходило с моего сна, тем сильнее я хотел воплотить его в жизнь, стать однажды настоящим магом.

Я отошёл немного в сторону, так, чтобы мистик не видел и принялся за тренировки. Раз за разом я складывал пальцы и делал движения, которым он меня научил, но у меня ничего не получалось. Мистик тем временем достал котелок, набрал воды и принялся готовить. На меня он не обращал ни малейшего внимания, либо делал вид, что не обращал.

Так прошло сколько-то времени. Я уже вконец отчаялся и повторял все действия уже больше для вида. Мне не хотелось сознаваться, что я так легко сдался, даже перед самим собой. Движения мистика, когда он разводил огонь, казались мне какими-то слишком сложными, запутанными. Я чувствовал, что всё это можно сделать проще. Я оглянулся, но мистик, кажется, действительно на меня не смотрел. Я слегка изменил его движения и убрал лишние. В этот раз я уже больше баловался и не рассчитывал на результат. Раздался тихий щелчок, с моих пальцев сорвался кусочек пламени и упал на землю. Мистик оглянулся и удивлённо на меня посмотрел.

– У тебя получилось?

Он отложил нож, торопливо подошёл, присел возле опаленного песка на корточки и долго его изучал. Я затаил дыхание и не двигался. Сам я в произошедшее тоже верил едва-едва.

– У тебя получилось...

Мистик поднялся, взял мои руки, повернул и осмотрел ладони, так, словно пытался найти в них хоть какую-то подсказку. Я неуверенно улыбнулся. Даже после его слов я всё ещё не

вполне верил в свой успех. И ещё я не знал, стоит ли сознаваться в том, что я изменил движения. Мистик крепко взял меня за руку, подвёл к костру, усадил и встал напротив.

– Скажу прямо. Я никогда не видел, чтобы заклинание делал неподготовленный человек. Ни разу. У самого меня первое заклинание вышло лишь спустя месяц тренировок. И у меня были книги, плюс к этому магами были мой отец и дед. И не улыбайся, я не рад, что у тебя получилось. У меня нет времени тебя учить. И ты ещё слишком мал. Сколько тебе? Десять? Одиннадцать?

Он раздражённо снял котелок с огня и сильно потёр лоб. Я улучил момент, незаметно сложил пальцы и взмахнул рукой. Сделал я это просто для того чтобы убедиться. Вновь раздался щелчок, но на этот раз гораздо громче и отчётливей. С моей руки сорвался огонёк и ударил в костёр. Пламя взвилось, во все стороны хлынули искры. Я едва успел отвернуться и закрыть лицо.

Мистик молча отошёл, взял посох, направил на меня и что-то резко сказал. Спустя миг я понял, что не могу шевелиться. Мистик зло отложил посох и сел.

– Сейчас ты будешь слушать меня, понял?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я попытался кивнуть, но у меня не вышло.

– Д...да.

Голос у меня сорвался. Я не понимал, почему мистик вдруг стал так себя вести. Он несколько раз глубоко вдохнул и резко выдохнул. Я вдруг заметил вокруг его тела прозрачно-радужную, чуть видимую, словно воздушную, плёнку. Он медленно вдохнул и выдохнул последний раз, пробормотал что-то, и она исчезла.

– Магия – это не шутки! Как тебе объяснить, чтобы до тебя дошло? Нельзя тренироваться, если рядом есть люди. Что бы ты делал, если бы удар твоего заклинания пришёлся в меня? А ты знаешь, что я рефлекторно мог нанести ответный? Ты сейчас даже не понял, что я едва тебя не убил.

Мистик посмотрел на меня и вдруг я заметил в его глазах слёзы. Судя по всему он был напуган гораздо сильнее меня.

– Я не хотел! Я просто хотел проверить! – я попытался вскочить, но у меня не вышло. – Я просто хочу стать как вы! Я пойду к Светлым магам и буду учиться, обещаю!

Я отбросил все сомнения и назвал ему свою мечту.

– Об этом даже не думай!

Мистик вскочил, шагнул ко мне, но затем вновь отступил и уселся. Он впервые за время нашего знакомства настолько повысил голос и выглядел каким-то одновременно растерянным и злым. От его прежнего равного ко мне отношения почти ничего не осталось.

– Светлые убьют тебя сразу, как только узнают о том, что ты можешь использовать магию. Либо, что скорее всего, они будут пытаться тебя, чтобы узнать куда ушёл я.

Мистик резким движением вытер слёзы, поднялся, взял посох, направил на меня и снял заклинание. Я почувствовал, что могу шевелиться, но не могу заставить себя встать. В тот миг я впервые осознал во что ввязался. Светлые маги охотились на мистиков, а я стал одним из них. И даже ещё хуже, потому что настоящие мистики владели хотя бы хоть какой-то недомагией. Я сидел и мысленно повторял одно лишь слово. Убьют, убьют, убьют. Светлые маги будут пытаться меня и убьют, если схватят.

Мистик подошёл, помог мне подняться и отвёл меня к воде. Я упал на колени и яростно принялся умываться. Холод воды прояснял мысли и помогал хоть немного прийти в себя. Мистик посмотрел на меня, присел и тоже умылся. Мы с ним молча вернулись к костру. Он положил в тарелку каши из котелка и протянул мне. Я покачал головой. Уж что-что, а есть мне сейчас не хотелось точно. Он пожал плечами и принялся есть её сам.

– Я буду тренироваться.

Я развернулся и пошёл к реке. Мистик меня не останавливал. Оставшееся до вечера время я практиковал единственное доступное мне заклинание. Мистик уже сказал, что не собирается меня учить, а значит и надеяться мне было больше не на кого. Я вдруг с абсолютной ясностью осознал одну простую истину. Защитить себя могу лишь я сам.

Попрощались мы с мистиком довольно холодно. Однако, когда я шёл домой я знал, что и завтра тоже приду. Мистик был взрослым и был всё ещё жив. Значит и у Светлых магов были какие-то слабости. О враге ты должен знать максимум информации. Даже если это абсолютно немислимый по силе враг. Дома я сразу поел и лёг спать. В эту ночь мне уже ничего не снилось.

Глава 3. Выбор.

На следующий день я как обычно пришёл на реку. Мистик тут же встал, отложил книгу и подошёл ко мне.

– Прости, что втянул тебя во всё это, но выход есть. Мы можем сделать проще. Есть заклинание «отнятия памяти». Если хочешь, я могу наложить его на тебя. После этого ты всё забудешь. И как пользоваться магией тоже. Светлячки, конечно, могут догадаться, что на тебе какое-то заклинание, но вряд ли станут тратить время и его снимать.

Мистик посмотрел на меня. Я понял, что он ждёт мой ответ. Забыть то, что произошло. И качели и то, как я сам создавал пламя. И получить безопасность взамен. Я конечно мог согласиться, но не понимал зачем мне будет такая жизнь.

– Вы можете вместо этого научить меня вашей магии?

Я поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Больше всего в тот миг я боялся, что он всё же отнимет у меня память. Мистик отошёл к реке и начал молча смотреть на воду. Я принялся разматывать и ставить закидушки и бросать рыбе прикорм. Делал я это просто для того, чтобы отвлечься. Ожидание его ответа было слишком мучительным для меня. Спустя какое-то время мистик вернулся к костру и уселся. Я подошёл к нему. Он и так уже думал довольно долго, и я уже просто не мог больше ждать. Мистик вздохнул, взял свою книгу, перо, чернильницу и убрал в сумку.

– Так. Для начала сразу проясним некоторые моменты. Во-первых, меня интересует твой возраст, как ты живёшь, с кем. Есть ли у тебя враги, которым ты хотел бы отомстить, скажем, с помощью магии? Есть ли друзья, которых ты хотел бы сделать счастливыми? Во-вторых, умеешь ли ты читать и писать?

Он посмотрел на меня, и взгляд его стал ещё серьезней. Он не просто так задавал мне эти вопросы. Он словно меня проверял. Я на миг задумался. Как он может отреагировать на то что у меня нет ни семьи, ни друзей, ни даже врагов, я не знал. В конце концов я просто решил сказать полуправду.

– Читать и писать умею, день рождения у меня вот недавно был, когда я вас встретил, двенадцать лет. Живу я тут временно, поэтому ни с кем особо не общаюсь, врагов у меня нет и в родной деревне тоже не было... и друзей близких тоже.

Я замолчал и отвёл глаза. Мистик некоторое время смотрел на меня выжидательно, затем вздохнул и порылся в сумке.

– Хорошо, остальное расскажешь позже. Вот, возьми. Я конечно могу объяснять заклинания и сам, но будет лучше если ты с самого начала привыкнешь учиться самостоятельно.

Мистик протянул мне небольшую книгу. На вид она была довольно старой, потрёпанной и в ней почему-то было очень много пустых страниц. Когда я держал её на весу, у меня возникало очень странное чувство. Я чувствовал словно какую-то оболочку на ней, как если бы внутри этой была ещё одна книга. Кроме того, она была намного тяжелее, чем выглядела. Мистик кивком указал мне сесть.

– Я объясню тебе некоторые вещи. Мало кто придаёт им значение, но это основы магии. Что отличает сильного человека от слабого? По-настоящему сильный человек всегда добр. Не потому что эти вещи связаны. И изначально не доброта даёт силу, а сила доброту. Когда относишься ко всем как к детям, то стараешься и не обижать никого. По крайней мере специально. Слабый же человек напротив видит в каждом встречном угрозу, вот и старается напасть первым, пока не напали на него. Это ему кажется правильным.

Он поглядел на реку и задумался. Я молчал. Что бы он ни сказал мне теперь, я был готов внимательно выслушать. Тогда же я мысленно назвал его учителем в первый раз. Мистик как-то слегка смущённо откашлялся.

– Прости, ты у меня, если честно, первый ученик, вот и теряюсь немного, слишком много нужно сказать. Для начала Светлячки..., Светлые. Для нас они враги и точка. Все свои глупые мысли о переговорах с ними или тем более ученичестве у них сразу забудь. Ты ещё юн, поэтому многого не знаешь. Это даже не война, а просто ненависть. У войны есть причина, цель, у слепой ненависти нет. Ты уже один из нас, Свободный, а значит цель их ненависти и их заклятый враг. Преимущество Светлых в том, что их много. Твоё преимущество в том, что ты один. Никогда не останавливайся на одном месте надолго. Всегда двигайся. Так им будет сложнее тебя поймать.

Он внимательно посмотрел на меня. Я лишь кивнул. Мистик взял книгу, которую мне дал, перелистнул на какую-то определённую страницу и вернул её мне. Как я понял, он хотел, чтобы я не тратил время зря и читал, пока он объясняет мне остальное.

В книге говорилось о заклинании «искра», том самом, которое я уже знал. Приблизился полдень, но небо было по-прежнему затянуто тучами и на реке было прохладно. Мистик подбросил в костёр несколько веток, посмотрел на воду, словно вспомнил что-то и вдруг чуть растерянно улыбнулся.

– Относись к магии легко, иначе не получится. Начнёшь относиться слишком серьёзно и ты проиграл. За свою жизнь я повидал немало людей, которые сделали любимые прежде занятия рутинной и скукой. И кстати о вещах. Для магии тебе не нужны приспособления. Она всегда живёт внутри тебя. С посохами же, амулетами и прочим, тебе просто становится удобнее ей пользоваться. Вот и всё. В общем, магия – это магия, а вещи – это вещи.

Он взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Я тем временем уже почти закончил читать про заклинание. В книге всё описывалось намного сложнее, чем он показал. Как оказалось даже в этой простейшей магии есть немало тонкостей. Так например сила этой самой «искры» напрямую зависит от резкости взмаха руки. Вот почему второе заклинание, которое я бросил тогда в костёр, вышло у меня куда мощней. Мистик быстро нарезал в котелок овощи и добавил специй. Затем он поднялся и кивком головы указал мне следовать за ним.

– Прочитал? Теперь можешь немного попрактиковаться. Книгу с собой бери, я о другом пока буду говорить. Этого ты из книг не узнаешь. Запомни одно выражение. Оно конечно относится к магии скорее косвенно, но тем не менее отражает саму её суть. «Ты не можешь побеждать всегда, но в твоих силах сделать себя непобедимым». Никогда не сдавайся, вот и всё. Всегда верь в свою неизбежную победу. Кроме того, постоянно борись сам с собой. Тот, кто не может победить сам себя, не сможет стать сильным магом.

Он подвёл меня к самой воде и указал на неё. Я понял чего он добивается. Если я буду бросать «искры» в воду, то от моих тренировок не останется следов. Я посмотрел в книгу, слегка изменил привычное уже положение пальцев и бросил первое заклинание. Мистик одобритительно кивнул.

– Запомни. Каждый миг, который ты потратишь на что-то кроме магии, делает тебя, как мага, слабее. Ты, конечно, можешь потратить время, чтобы постараться создать себе лучшие условия, но всегда помни, что тебе придётся нагонять это время потом. Не пытайся научиться всему. Маг – это маг. Тебе не нужно уметь владеть ещё чем-то. Попытаешься научиться сразу всему и ослабнешь. Лучше быть мастером в каком-то одном деле, чем недоучкой во всех.

Он ненадолго отошёл, помешал еду в котелке и вернулся. Я за это время успел бросить ещё три заклинания, правда, одно из них у меня вышло хилым. Вчера всё было в порядке, и я не ожидал, что магия отнимает такую прорву сил. Мистик посмотрел на меня как-то слегка встревоженно.

– Устал? Позанимайся ещё немного и перерыв, иначе надорвёшься и некоторое время вообще не сможешь магию применять. Кстати вот тебе ещё урок. Всегда сохраняй силу. Не трать её в пустых стычках. Никогда никому ничего не доказывай. Запомни, "доказывающий

неправ, правый не доказывает". Я прочитал это как-то в одной книге. Думаю, её написал очень сильный и мудрый человек. Хотя и не маг, как ни странно.

Он встал рядом со мной и тоже бросил в воду несколько «искр». Самое странное, что они у него выходили, кажется, даже хуже. Я конечно задумался, что бы это значило, но промолчал. С таким учителем, как этот мистик, это вполне могло быть и проверкой. Кроме того, если бы я обвинил его, то это вызвало бы пустую стычку, а он мне о них только что говорил. Мистик вдруг улыбнулся.

– Молодец, не заметил. Вернее заметил, но сравнивать не стал. На самом деле Огонь противоположная моей основной стихия. И по правде я его не слишком люблю.

Он продолжил тренироваться. Я посмотрел в книгу и нашёл новое изменение в заклинании. На языке у меня уже довольно долго вертелся один вопрос.

– А почему вы называете себя магом?

Я бросил ещё одно заклинание и посмотрел на мистика. Они не были настоящими магами, это знали все. Мой учитель остановился и повернулся ко мне.

– Ты действительно думаешь, что разница есть? Магии плевать кто ты. Светлый, тёмный, взрослый, ребёнок, мужчина, женщина. Магия одна для всех. И сами мы называем себя не мистиками, а Свободными магами. Кстати запомни, назовёшь другого Свободного мистиком можешь очень сильно его оскорбить, вплоть до вызова на поединок.

Его взгляд слегка смягчился. Я стоял и медленно осознавал услышанное. Разницы не было, Светлые просто сами придумали её. Скорее всего они сделали это для того, чтобы у простых людей не было уважения к другим магам. Всё же насколько по-разному звучали слова «мистик» и «Свободный маг».

Я потренировался ещё немного, и мы вместе с учителем пошли есть. От усталости к этому моменту меня уже едва ли не качало. Он посмотрел на меня и дальнейшие тренировки на сегодня запретил. Я конечно слегка поворчал, что ещё могу, но больше для вида. На самом деле я и сам понимал, что надрываться мне сейчас нельзя никак.

Я поел, поблагодарил учителя, взял свою книгу и принялся читать. С самого начала в ней давался небольшой обзор всех простейших заклинаний. Учитель подвинулся ко мне, взял у меня книгу и перелистнул.

– С обзором потом разберёшься, практика сейчас важнее. Кстати, скажу одну вещь, хотя возможно слишком рано. В общем это на тот случай, если вдруг действительно соберёшься заняться магией уже всерьёз. Не сближайся с людьми..., по крайней мере слишком сильно. Если у тебя потом вдруг возникнет выбор между ними и магией это будет больно. И им и тебе.

Он резко встал, взял котелок и пошёл его мыть. Я кивнул, хотя у меня почему-то возникло ощущение, что последние слова он сказал себе. Оставшееся до моего ухода время мы почти не общались. Я разбирал новое заклинание, учитель взял лист и что-то сосредоточенно на нём писал.

На реке совсем стемнело. Я смотал удочку, закидушки, взял сумку, садок, но не знал, что делать с книгой. Учитель как раз закончил писать, подошёл и протянул мне лист.

– Вот. Твоя программа тренировок. Это просто на всякий случай, не бойся, я никуда пока не уйду. Книгу оставь, будем считать, что ты взял её у меня в долг. Может ещё встретимся, вернёшь как-нибудь. Освоишь эту, постарайся найти другие. Кроме того, экспериментируй. Самое главное в магии – это практика. Её тебе не заменит ничто.

Он подбросил в костёр несколько веток и достал свою книгу. Я попрощался с ним и побежал домой.

На следующий день я проснулся даже чуть раньше обычного и сразу же побежал на реку. На дворе было по-прежнему пасмурно и холодно, и я был уверен, что скоро обязательно пойдёт дождь. Как это было ни странно мой учитель уже меня ждал. Я никак не мог понять, когда же

он вообще спит. Мы поприветствовали друг друга, я поставил закидушки и сразу же приступил к тренировкам. Учитель встал неподалёку и изредка меня поправлял.

Прошло некоторое время. Заклинания-«искры» мне удавались намного лучше, чем вчера. Я делал их одно за другим и почти не чувствовал усталости. На реке понемногу начало светать. Учитель подошёл чуть ближе, внимательно проследил за моим последним огненным шариком и кивнул.

– Так. Всё, хватит. С Огнём закончили, дальше пойдёт Земля. Кстати, о стихиях-то я тебе ещё и не рассказал. Их четыре: Огонь, Земля, Воздух и Вода. Запомни их основные составляющие. Огонь состоит из тепла и сухости. Его сила в скорости и активности. Противоположная ему Вода, моя основная стихия, объединяет в себе влагу и холод. Она сильна своей изменчивостью и пластичностью. Стихия Земли сочетает в себе холод и сухость. Её сила в устойчивости и нерушимости основ. Ну и последняя стихия, Воздух, объединяет в себе тепло и влажность. Её основная сила в свободе и вездесущности. Все заклинания, которые ты будешь применять так или иначе будут наследовать качества своей стихии-родителя. Их конечно иногда можно подменять, но..., это уже из разряда экспериментов, тут каждый случай лучше отдельно проверять.

Он замолчал и посмотрел на меня. Я торопливо кивнул. Вопросов у меня пока не возникло, кроме пожалуй одного. Я нерешительно закрыл книгу.

– Как понять, что заклинание идеально? Есть вообще какие-нибудь оценки для них?

Мне нужно было понять от чего отталкиваться уже потом, когда он уйдёт, а я останусь один. Учитель посмотрел на меня задумчиво.

– Идеальное заклинание? Наверное немного рано, но раз уж ты сам спросил. Идеальное заклинание – оно выше тебя, в любом смысле. Ты это сразу поймёшь. Творя его, особенно впервые, ты не сможешь сдержать слёз.

Он указал мне на одну из моих закидушек. Колокольчик на ней звенел уже довольно давно. Я вытащил рыбу и поставил закидушку вновь. Учитель смотрел неодобрительно. Кажется, его слегка раздражало, что я так долго с этим возжусь. Он взял мою магическую книгу, перелистнул и протянул мне.

– Заклинание магии Земли, «песчинка». Позволяет сдвинуть с места небольшой камень, сил отнимает примерно столько же, сколько и «искра». И кстати ещё из важного на будущее. Обязательно заботься о здоровье. Это прежде всего. Болезни делают тебя слабым. В том числе слабым и в твоей магии. Исключи любой дурман, вино, курение всякой дряни и по возможности всё, что делает тебя рабом. Так ты сможешь сохранить свой разум трезвым, а для магии это важнее всего.

Учитель посмотрел на реку, развернулся и пошёл к костру. Я постоял немного и пошёл следом. В этот раз я собирался вначале как следует изучить заклинание, а уж затем его применять.

До обеда я разбирался с новым заклинанием. Рыба клевала плохо, но я впервые был этому только рад. Учитель взял посох, вертел его и что-то обдумывал. Иногда при этом он искоса поглядывал на меня.

В обед на реке поднялся ветер и заморосил мелкий дождь. Книгу мне пришлось убрать. Я поразмыслил немного и всё же решил попросить помощи. В конце концов такая погода наверняка мешала не только нам.

– Учитель, а вы не можете убрать этот дождь?

Я вдруг понял, что впервые так к нему обратился, приподнял капюшон куртки и посмотрел на него. Учитель поднялся и тоже посмотрел на меня.

– Убрать могу, достаточно просто развеять тучи, например заклинание ветра тут неплохо подойдёт. Но тут есть одно «но». Нельзя изменять что-то лишь потому что так хочется. У всякого большого действия должна быть большая цель. Если я изменю погоду и погибнет урожай,

кто будет в итоге виноват? Виноваты будем мы оба: ты в том, что попросил меня сделать глупость, я в том, что твою просьбу выполнил. Но большая вина всё равно будет на мне потому что моё решение будет последним.

Он слегка улыбнулся, обвёл посохом вокруг нашего костра и что-то беззвучно прошептал. Воздух над нашей стоянкой вдруг слегка заискрился и начал отталкивать воду. Вместо того чтобы менять погоду учитель просто устроил нам удобный навес. Я торопливо достал книгу и принялся изучать её дальше. Мои познания в магии были конечно ничтожны, но этот навес должен был отнимать целую прорву сил. Учитель отложил посох и подбросил в костёр несколько веток.

– Не спеши. Я уже говорил, что Вода – моя основная стихия. Это заклинание я легко могу держать даже несколько дней. Жаль, правда, что от ветра оно не спасает, но с этим уж ничего не поделаешь. На самом деле это просто слегка увеличенный щит от Воды. Такие же бывают от физических повреждений, от Огня, Земли и Воздуха, но их мне намного тяжелее держать. Да..., что ни говори, а условия обучения у Светлячков конечно лучше. Они явно не занимаются под дождём. Плюс опять же большие библиотеки, доступность магических книг. Они быстрее могут готовить магов. Если конечно выпускников их школ так можно назвать. Проблема тут в самой стандартности этого процесса. Я считаю, что магии каждый должен учиться сам. Бесплезно учить такому. Ну, кроме возможно самых основ.

Он взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Я улыбнулся. Как бы учитель ни кичился, что экономит время, а обед готовил всегда. Наверняка это как-то перекликалось с его советом беречь здоровье, чтобы сохранить ясный ум.

Мы поели, и я принялся за практику. Из-под навеса мне учитель разрешил не выходить. Получалось у меня, мягко говоря, плохо. Камни или вообще не двигались, или двигались совсем не так, как я хотел. Учитель просто наблюдал и молчал. От этого дождя он, казалось, стал ещё задумчивее. Возможно, он ему о чём-то напоминал.

Прошло сколько-то времени. Заклинание у меня более-менее стало получаться, но я уже чувствовал, что устал. Сил оно отнимало у меня всё же куда больше, чем «искра». Впрочем, я надеялся, что с практикой это пройдёт. Учитель достал из сумки какой-то глиняный пузырёк, отпил из него немного и протянул мне.

– Сделай один глоток. Один, понял, не больше. Это от возможной простуды, боюсь, что с такой погодой можем заболеть. Кстати, скажи, у тебя есть мечта? Я вижу, что тебя что-то гложет. Какое-то большое горе возможно.

Он подождал, забрал пузырёк, положил в сумку и посмотрел куда-то вдаль, на реку. Я почувствовал, как по всему телу у меня начало растекаться тепло. В этой настойке точно был мёд, но и ещё что-то, похожую делала моя мать.

– Мои родители умерли, я хочу их вернуть, хочу, чтобы всё было как раньше.

Я посмотрел на огонь. Игра пламени на ветру успокаивала. Для меня это была без сомнений самая красивая на свете вещь. Учитель помолчал немного, затем вздохнул и посмотрел на меня.

– Если ты хочешь стать магом лишь для этого, то я отниму у тебя память прямо сейчас. Если хочешь и о родителях тоже. Заклинаний воскрешения не существует. Ты конечно можешь попробовать с помощью тёмной магии, но это уже будут не они. Я уже молчу о цене самой подобной попытки. Ты ведь не сможешь приносить в жертву грудных детей?

Он ещё раз вздохнул и подбросил в костёр несколько веток. Я ошарашенно молчал. Для учителя, казалось, совершенно не существовало разницы взрослый – ребёнок. Иной раз он говорил настолько жестоко и прямо, что у меня просто не оставалось слов. Чтобы отвлечься, я ещё пару раз попробовал сделать заклинание «песчинка», но оно мне не удалось. Я набрался смелости и посмотрел учителю прямо в глаза.

– Магом я хочу стать не поэтому. Мои мать с отцом и сами бы не захотели так возвращаться. Вы спросили про мечту, и я ответил. Мечты – это ведь что-то невозможное.

Я почувствовал раздражение. Он не имел права спрашивать меня, чтобы потом осуждать. На самом деле я уже вообще пожалел, что ему открылся. Учитель как-то слегка смущённо откашлялся и протянул руки к костру.

– Прости. Мне важно было, чтобы ты понял насколько это опасно, вот я и сказал всё как есть.

Он улыбнулся, но в глубине его глаз я видел печаль. Они у него были прямо, как его стихия: спокойны, глубоки и холодны. Я вдруг понял, что не могу на него обижаться. Он ведь судя по всему и вправду не хотел меня задеть.

До самого вечера на реке шёл дождь. Рыба почти не клевала, и я мог спокойно практиковаться. С учителем мы почти не говорили. Я уже не обижался, но всё ещё не мог отойти. Видимо я действительно слегка надеялся вернуть родителей с помощью магии. Скорее всего эти чувства были так глубоко скрыты, что я не признавался в них даже себе. Когда совсем стемнело, я собрал свои вещи, попрощался с учителем и побежал домой. Ещё один день моего обучения закончился.

Этой ночью я плохо спал. Мне почему-то всё время чудилось, что мою книгу по магии может кто-то увидеть. Я просыпался и перепрыгивал её едва ли не десяток раз. Утром я впервые поймал себя на мысли, что рыбачить я не хочу. Половину своего обычного запаса наживок и закидушек я оставил дома.

На реку я пришёл вконец разбитый и уставший. Учитель глянул на меня и молча кивнул. Я тоже ему кивнул и стал было разматывать удочку, но он жестом меня остановил.

– У нас нет на это времени, кроме того, я всё вижу по твоему лицу.

Он взял посох, направил его на реку и что-то негромко произнёс. Вода неподалёку булькнула, и прямо из неё в пузырях воды поднялось несколько крупных рыб. Учитель указал посохом на место возле своих ног. Пузыри послушно подплыли и схлынули на землю водой. Рыба попадала на песок и начала по нему прыгать. Я стоял и растерянно смотрел на это всё. Учитель отложил посох, взял у меня садок и принялся собирать свой улов.

– Удочкой я наловил бы столько же, но потратил бы время, поэтому тут случай не как с дождём. В общем важно не орудие, метод, а мотив, причина, твоего действия. Ну и конечно готовность нести ответственность за результат.

Он закончил и протянул мне садок. Интересно, что вся рыба в нём была крупная, ни одного малька. Я сматывал удочку, отложил её и достал книгу. Учитель ещё кое-что не сказал мне, но я понял и сам. Его способ рыбалки вредил природе даже меньше, чем мой. Вот и вся правда.

Небо было по-прежнему затянуто тучами. С реки дул прохладный ветерок и почему-то тянуло водорослями. В такую погоду здесь было не очень уютно и как-то слегка пусто что ли, всё вокруг словно замирало в ожидании дождя или грозы.

Учитель ушёл в лес неподалёку собирать ветки для костра, а я приступил к занятиям. Усталость давала о себе знать и всё же камни хоть понемногу, но двигались. Количество неудач уменьшалось, да и само заклинание отнимало куда меньше сил. На самом деле я уже даже слегка собой гордился. В книге было конечно ещё много непонятного, но я уже чувствовал, что разберусь. Учитель был прав, когда с самого начала заставил меня заниматься самостоятельно.

Прошло некоторое время. Я наловчился перекачивать мелкие камушки и сталкивать их в воду. Отрывать цели моих заклинаний от земли у меня всё ещё не выходило. Учитель вернулся, свалил ветки в кучу, подошёл ко мне, внимательно посмотрел и кивнул.

– Так. С Землёй тоже ясно, дальше Воздух. В книге есть заклинание «бриз», до конца дня постарайся в нём разобраться. Кстати ещё одну вещь вспомнил, пока ходил. Скажу сразу, чтобы

не забыть. Это не о магии, а о самой жизни мага. Как видишь у меня совсем немного вещей. Я придерживаюсь простого принципа. Не нужно сейчас – не бери. Очень редко я запасуюсь чем-либо. Так делаю только если для меня совершенно ясно, что мне действительно пригодится эта вещь, и я её в любом случае использую. Например..., мёд. Да, да, самый обычный мёд. Он вкусный и неплохо помогает от простуды. Я всегда стараюсь запастись им впрок, особенно на зиму.

Учитель замолчал и улыбнулся, видимо заметил, что я изо всех сил стараюсь сдерживать смех. Некоторые вещи он всё же объяснял слишком просто. Я каждый раз ждал сложных формул, правил, а он говорил что-то о том же мёде.

Мы отошли и уселись возле костра. Я нашёл нужное заклинание и стал читать. Практиковаться я пока больше не планировал. Движения рук при выполнении заклинаний очень сильно отличались. Как я понял это зависело от самих стихий. Перестраиваться с одних на другие было сложно. У Огня они были резкие, у Земли тяжёлые, у Воздуха лёгкие. Но если перейти с резких на тяжёлые я ещё как-то смог, то сейчас мне предстоял переход ещё сложнее. В худшем случае, как я понял, у меня перестало бы выходить и заклинание «песчинка». Я читал все пояснения внимательно и по нескольку раз и старался сразу их запомнить. Учитель достал свою книгу и что-то в неё писал. Друг друга мы старались не отвлекать и не тревожить.

Незаметно наступил полдень. Где-то в отдалении тихо рокотал гром, но дождь всё никак не начинался и я втайне надеялся, что сегодня он уже не пойдёт. Учитель поднялся, захлопнул свою книгу, убрал её и подошёл ко мне.

– Так, вроде главу закончил. Знаешь про что пишу? Про людские странности. Вообще люди чаще всего поступают неверно. Большинство, я имею в виду. Они исходят не из потребности, а из вещи, которая у них есть в данный момент, вот и выходит так, что не они управляют вещами, а вещи ими. Кстати с магией всё то же самое. Всегда старайся применить самое простое и действенное заклинание, всегда проверяй все ли действительно необходимые заклинания у тебя есть. Если видишь, что заклинание неэффективно, например отнимает много сил или времени, требует сложных приготовлений или редких ингредиентов, откажись от него и найди новое. Так ты будешь управлять магией, а не она тобой. Ещё бывает момент психологической ловушки. Например «я не могу отказаться от заклинания, ведь оно дорого мне, как память». Ну или от вещи например. Никогда в неё не попадай. Заклинания – это заклинания, память – это память. Даже если неэффективное заклинание напоминает тебе о чём-то дорогом, избавься от него и иди дальше. Заметь, я сказал избавься от заклинания или вещи, а не от воспоминаний. Их ты можешь хранить, пока они сами собой не заменятся чем-то более важным. Так человек и растёт.

Он улыбнулся, взял котелок и пошёл набирать воду. Я сидел и молча раздумывал над тем, что он сказал. Кольца родителей – это ведь тоже всего лишь вещи. И если уж на то пошло, то единственное, что они мне пока приносили это лишь боль. Сколько раз я уже смотрел на эту копоть? Сколько раз я уже мысленно возвращался в тот день? Я посмотрел в книгу и сделал вид, что читаю. Учителю я открываться не хотел. Проблема с кольцами была лишь моей проблемой, а значит и решить её мог лишь я сам.

Остаток дня я запомнил плохо. Учитель говорил мне что-то, я невпопад отвечал. Заклинания тоже вдруг почему-то перестали получаться. Кончилось всё тем, что учитель меня отпустил. Напоследок он сказал мне, что заниматься в таком состоянии бесполезно. Я пришёл домой и почти сразу же завалился спать.

В ту ночь мне снова приснились родители. Было темно, и вокруг стоял густой туман. Они, как и прежде, шли куда-то вдалеке чуть видимые и не замечали меня. Я кричал им, они замирали, прислушивались, но затем лишь пожимали плечами и продолжали идти. Проклятый туман гасил звуки и мешал им меня разглядеть.

– Да стойте же вы! Подождите!

Я вдруг неожиданно сам для себя сложил пальцы в магический знак. Родители должны были меня увидеть. Я не мог позволить им уйти ещё раз.

Слова заклинания прозвучали в моей голове как-то сами собой, почти без моего участия. С моих пальцев сорвался кусочек пламени, описал небольшую дугу и упал на землю шагах в пяти-шести от меня. Он был совсем крошечным, но почему-то боролся с туманом и продолжал гореть. Я подбежал к нему и в нерешительности остановился.

Туману моё пламя явно не нравилось. Он вдруг стал бледнеть, рассеиваться и отступать. Закреплению заклинаний учитель меня ещё не учил, но я чувствовал, что мы с этим огоньком словно стали как-то связаны. Поток магической энергии с моей руки почему-то не прекращался.

– Мам! Папа! Я здесь! – закричал я и принялся махать руками.

Первой меня заметила мама. Она остановилась, схватила отца за руку и потянула ко мне. Я стоял и не мог пошевелиться. Больше всего на свете я хотел их обнять.

Моя «искра» разгоралась всё сильнее, а туман рассеивался. Я хотел броситься к родителям, но вдруг понял, что нас разделяет река. Они подошли к самой воде со своей стороны, остановились и улыбнулись. Я понял, что больше они никуда не уйдут.

Отец посмотрел на меня, кивнул на воду и молча покачал головой. По его взгляду я понял, что если бы у него был хоть малейший шанс перебраться сюда, ко мне, то он бы уже это сделал. Судя по всему в эту реку нельзя было входить ни им, ни мне. Кроме того, они оба почему-то молчали. Огонёк «искры» тихонько горел у моих ног, но я чувствовал, что он в любой миг может погаснуть.

– Вы меня слышите? – Я с надеждой посмотрел на мать. Она вновь улыбнулась и кивнула. Я тоже постарался преодолеть свою горечь и улыбнуться им. – Мам, пап, я стану магом. Стану самым сильным магом, обещаю. Так что вы следите за мной, хорошо?

Я помахал им и почувствовал, как по щекам у меня сами собой покатались слёзы. Моя «искра» гасла, и всё снова медленно затягивал густой молочный туман. Мать с отцом подняли руки и тоже мне помахали. В их взглядах было обещание, что они никогда больше не отвернутся и ни за что не бросят меня.

Всё это было лишь сном, и я прекрасно сознавал это, но не хотел упускать этот шанс. Я изо всех сил вглядывался и старался запомнить их внешность, улыбки, запомнить накрепко и навсегда.

Туман поднимался всё выше и скоро скрыл от моего взгляда всё, кроме их поднятых рук. Я пригляделся и вдруг с удивлением понял, что на пальцах у моих родителей нет обручальных колец. Всё это время я хранил совершенно не то, что нужно: вместо воспоминаний о самих моих родителях лишь два обгоревших кусочка металла, которые день за днём тянули из меня силы и заставляли меня страдать. В тот же миг я понял главное: не кольца связывали моих родителей, а лишь их любовь эти кольца, без живого человека любая вещь ему принадлежавшая – это уже не его вещь.

Проснулся я уже под утро. Лицо у меня сильно опухло, глаза щипало, а подушка была мокрой от слёз. Я встал, взял коробку с кольцами и положил в сумку. Прошное должно было остаться в прошлом, а я идти вперёд.

Я пришёл на реку, поздоровался с учителем, сразу же достал коробку, вытащил из неё кольца и бросил её в костёр. Учитель посмотрел вопросительно, но промолчал. Я на миг крепко сжал кольца в кулаке, но затем собрался и усилием воли заставил себя разжать руку. Учитель вдруг поднялся, подошёл и положил мне руку на плечо.

– Кольца родителей? Пошли я тебя провожу.

Он осторожно повернул меня к реке и подтолкнул в спину. Я растерянно кивнул и мы пошли. Как учитель догадался, что я хочу сделать, я так и не понял.

Мы подошли к самой воде. Я глубоко вздохнул, размахнулся и швырнул кольца в реку. Раздался тихий двойной всплеск и на водной глади, довольно далеко от берега, стали расходиться круги. Я почувствовал лёгкое удивление. На самом деле я не ожидал, что у меня получится бросить кольца так сильно. Видимо волнение на какой-то миг сделало мою руку гораздо крепче. Мы постояли немного и пошли назад.

В следующие несколько дней я лишь делал вид, что рыбачу. Мои занятия магией начались с момента прихода на реку и продолжались едва ли не до самой ночи. Домой я приходил разбитый, уставший и обессиленный.

Кроме основной магии четырёх стихий учитель показывал мне самые разные её области. Алхимия, магия иллюзий, руническая магия, изготовление посохов, амулетов, талисманов и прочее. Я чувствовал, что он словно делает для меня какой-то их обзор, старается показать все хоть понемногу.

Из заклинаний в моём распоряжении уже были «искра», «песчинка» и «бриз». Заклинание стихии Воды «капля» у меня не выходило, хотя я бился над ним дня три. Учителя заметно раздражало, что я не могу пользоваться именно его стихией, но он молчал.

В очередное утро я как обычно пришёл на реку. Дожди и тучи последних дней наконец-то закончились и от света луны всё было видно почти что как днём. На небе всё ещё горели некоторые, самые яркие, звёзды, хотя уже и близился рассвет.

Мы с учителем поздоровались, он взял свой посох помог мне быстро наловить рыбы, подождал, пока я соберу её, и подошёл ко мне.

– Посох усиливает заклинания мага, как ты уже знаешь. Мне придётся показать тебе, как им пользоваться на своём, но предупреждаю сразу, будет сложно. Ты ведь не очень дружишь с Водой.

Он передал мне посох и жестом показал, как я должен его правильно взять.

Я вновь почувствовал в своей руке противный мокрый холод. Как ни крути, а мне действительно не слишком нравилась стихия Воды.

Я направил посох на реку и прошептал слова заклинания. У меня ещё не очень хорошо получалось произносить их в уме. Учитель одобрительно кивнул. Судя по всему пока что я всё делал правильно.

До обеда я тренировался делать посохом заклинание «капля», затем учитель меня остановил. Он подошёл, забрал у меня посох и принялся что-то чертить им на песке.

– На этом остановимся, не будем тратить время. Кстати, когда я ловил рыбу, то использовал комбинацию заклинаний: «обнаружение жизни» и «капля». Я до этого пробовал разные способы, но этот эффективней всего.

Учитель неторопливо закончил рисунок и довольно улыбнулся. На песке осталась почти идеальная округлая семилучевая звезда и в ней какие-то символы.

Я вздохнул и открыл книгу. На самом деле я и без слов понял, что он от меня хотел. Любое заклинание можно сделать разными способами: с помощью посоха полностью устным, с помощью знаков пальцев и движений рук и с помощью рисования на чём-либо таких вот звёзд.

Учитель подвёл меня ближе, заставил присесть и положить руку на одну из вершин звезды.

– Теперь делай то же самое, что и с посохом. Когда получится перерисуй её сам и попробуй снова.

Он развернулся и пошёл готовить еду.

Пару часов я промучился, тренируясь делать заклинание «капля» с помощью его звёзды, затем оно у меня более-менее стало получаться. Я передохнул немного, нашёл подходящую палочку и принялся чертить такой же, концентрирующей магическую энергию, рисунок сам. Делать это в первый раз оказалось даже довольно интересно.

Спустя примерно четверть часа я закончил, нетерпеливо положил руку на нужную вершину и произнёс слова заклинания. В душе в тот миг я уже вовсю предвкушал удивление учителя от того, что я всё сделал, как надо уже в самый первый раз и покорил наконец-то хотя бы так его капризную стихию.

Некоторое время ничего не происходило, затем мою руку вдруг словно дёрнуло, и от ладони до самого плеча у меня прокатилась резкая боль. По линиям моей звезды с тихим сухим треском пробежали небольшие, чуть заметные, голубые искорки. Я торопливо отдёрнул руку, вскочил и на всякий случай отбежал подальше.

Учитель поднялся, подошёл, оценивающе глянул на мой рисунок и чуть улыбнулся. В его глазах вспыхнули всё те же насмешливые огоньки.

– Прости, что не предупредил, но так лучше запомнишь. Если нарисовать звезду неправильно, то будет «откат», возврат магической энергии в смысле. И ударит он естественно по тому, кто пытается эту звезду использовать. Если объяснять это коротко, то это твоя же магическая энергия не находит выхода и возвращается к тебе, правда это довольно болезненно. На будущее запомни, нарисуешь звезду с мощным заклинанием неправильно и можешь умереть, причём заметишь умереть от боли.

Огоньки в его глазах погасли, и он посмотрел на меня уже серьёзно. Я растерянно кивнул, подошёл и поднял свою палочку. Урок я усвоил, но сдаваться из-за этого не хотел.

Вторую звезду я рисовал уже куда дольше и внимательнее. Мне очень не хотелось ещё раз испытать ту боль. Наконец я закончил, присел, попробовал применить заклинание и вновь получил откат. Рука у меня полностью занемела. Я вскочил и принялся отчаянно ей болтать.

Учитель подбежал, взял меня за плечи, отвёл к костру и усадил. Его глаза были как всегда спокойны и холодны, но всё же в движениях чувствовалась довольно сильная тревога.

– Посиди тут немного, рукой не шевели. Это скоро само пройдёт, я получал откаты и посильнее.

Он слегка улыбнулся, взял свою книгу и продолжил что-то в неё писать.

Я сидел и чувствовал, как моя рука медленно оживает.

– Учитель, а вы верите в Высшие силы?

Я осторожно попробовал пошевелить пальцами, и это мне почти удалось.

Учитель отложил перо и посмотрел на меня задумчиво.

– Высшие силы... сложный вопрос. Нет, наверное, в какие-то Высшие силы я не верю. Я верю в то что нужно по-возможности жить честно и не делать того, что сам считаешь несправедливым и злым. Вот и вся моя правда. Кстати могу дать один совет, как получить больше сил, если ты конечно меня поймёшь. Каждый человек уникален и несёт в своём сердце миллиарды оттенков и полутонов. Некоторые люди становятся сильнее, когда слушают музыку, некоторые, когда выполняют физические упражнения, некоторые, как я например, когда смотрят на воду. Лишь ты сам сможешь узнать своё Высшее, то что будет вдохновлять тебя до такой степени, что ты сможешь превзойти сам себя.

Он замолчал, посмотрел на реку и улыбнулся.

Я лишь неуверенно кивнул. Учитель вообще был странным человеком..., во многом, если не сказать, что во всём. И такими же странными мне иной раз казались его слова.

Рука у меня отходила гораздо медленнее, чем мне бы хотелось. Прошло ещё едва ли не с полчаса прежде чем я смог ей хоть как-то двигать. Я молча поднялся и пошёл рисовать следующую звезду. Неудачи неудачами, но задание учителя-то я так и не выполнил. Он отвлёкся, посмотрел на меня, явно хотел что-то сказать, но промолчал.

Перерисованная звезда вновь ударила меня откатом. И следующая. И следующая. Я закончил их рисовать лишь поздно вечером, когда уже просто вконец вымотался и устал. От злости мне хотелось плакать. Линии у меня выходили какими-то грубыми, резкими, совсем не такими, как у учителя и с каждым разом, кажется, становились лишь хуже. Он же поглядывал

на всё это, задумчиво улыбался и молчал. По его лицу было заметно, что он уже давно что-то понял и просто ждёт, когда я сдамся и спрошу его или догадаюсь сам.

Я получил очередной откат, посмотрел на учителя и вдруг почувствовал, что моё терпение кончилось. Внутри меня всё кипело и клокотало от злости. Я упал на колени, принялся разбрасывать песок руками и уничтожать последнюю нарисованную звезду.

– Ненавижу Воду! Дурацкая стихия! Вообще не буду ей пользоваться!

По щекам у меня всё же покатались горячие злые слёзы. Учитель должен был скоро уйти, вот что было важно. У меня не было времени на всякую неработающую чушь.

Учитель поднялся, взял посох и направил его на реку.

– Молодец. А теперь отойди-ка.

Он чуть посерьёзней, как и всегда, когда творил заклинания и начал что-то беззвучно шептать.

Я торопливо отбежал и встал рядом с ним. К этому моменту я уже чётко усвоил, что его «отойди-ка» означает «беги оттуда скорей».

По реке пошли лёгкие волны. Одна из них вспучилась и обрушилась на берег неподалёку от нас. Я вдруг с удивлением понял, что учитель стёр ей звёзды, причём стёр все: и мои и свою.

– Вода не твоя стихия. Молодец, что понял это сам. Я знаю ещё кое-что, но пока не могу сказать. – Он указал посохом на мою книгу. – Попробуй нарисовать этот круг.

От наворачивания его посоха, снежинки-звезды, пошёл лёгкий прохладный ветерок, страницы книги сами собой перелистнулись.

С первого взгляда я понял, что это совершенно другая магия. Этот круг я вообще мог не рисовать. Не знаю, как это объяснить, но я словно «почувствовал» это заклинание, понял саму его суть.

Я повернулся к учителю. Он озадаченно на меня посмотрел.

– Я могу сделать это без круга?

Я сложил пальцы в первый осознанный мной магический знак и прошептал начальные слова заклинания. Воздух вокруг меня вдруг начал словно чуть нагреваться. Я ощутил движение потоков силы внутри и вокруг себя.

Учитель поднял руку и как-то слегка растерянно кивнул. Я нехотя развеял неоконченное заклинание. В том, что оно принадлежало к стихии Огня, моей любимой, я уже не сомневался.

– Кстати. – Учитель повернул посох к реке, провёл, зачерпнул воду заклинанием и вдруг резко плеснул на меня. – Это тебе за то, что оскорбил мою стихию. Никогда так больше не делай. Стихия не виновата, что у тебя нет к ней способностей.

Я почувствовал, как уши у меня вспыхнули. Насчёт себя учитель прощал многое, но некоторые вещи при нём было лучше не задевать.

Мы уселись возле костра, и учитель сказал мне читать теорию. Мне было это делать ужасно скучно, но спорить с ним я не рискнул. Кроме того, мне теперь и правда не мешало немного согреться и обсохнуть. Единственное, что меня утешало, так это то, что учитель больше не настаивал на изучении магии Воды. За одно это я был готов простить ему что угодно.

Спустя ещё некоторое время на реке совсем стемнело, и я побежал домой. В глубине души я надеялся, что таких дней, как этот, у меня больше не будет.

Следующее утро у меня началось как обычно. Я прибежал на реку, поздоровался с учителем, мы порыбачили, и я сразу же приступил к занятиям. Для начала я хотел повторить всё то, что уже знал.

Погода на реке была отличная. Солнце бросало первые тёплые лучики, небо было прозрачным и синим, и даже ветер на время притих, словно тоже залюбовался рассветом.

Последние ошибки со звёздами всё ещё не шли у меня из головы, поэтому я постарался как следует сосредоточиться и сделать свою магическую разминку быстро и с первого раза.

Учитель намекнул мне, что вначале неплохо бы было ещё раз повторить теорию, но я упёрся и сказал, что сделаю это потом.

Моей первой неудачей стало заклинание «бриз», с которого я и решил начать свою тренировку. Как я ни бился, с моих пальцев не хотел срываться и самый слабый ветерок. Это было странно потому что на мой взгляд я делал всё, как обычно, ничего не проверял, не добавлял и не убавлял.

Настроение у меня испортилось окончательно. Я несколько раз глубоко вздохнул и пересложил пальцы на руке в начальный знак заклинания «песчинка» магии Земли. Логика мне подсказывала, что раз у меня такие проблемы с одной стихией, то уж с противоположной ей точно всё должно быть если и не отлично, то по крайней мере довольно хорошо.

На неуклюжие попытки сдвинуть с места хоть один камушек у меня ушло ещё примерно полчаса. Магические потоки не возникали, камни даже не вздрагивали, просто лежали, как лежали и всё. В душе у меня медленно зарождался страх и сомнения.

Учитель иногда поднимал голову, отрывался от своей книги и поглядывал на меня. В его взгляде была какая-то причудливая смесь крайнего неодобрения и наоборот похвалы. Причину первого я понимал, а вот второго не очень.

В конце концов от заклинания «песчинка» мне тоже пришлось пока отступить. Я несколько раз сильно встряхнул кистями рук и ещё раз размял пальцы. Маг не должен терять веры в свои силы. Никогда. Это первое и едва ли не самое главное правило магии.

Я медленно сложил пальцы в знак заклинания «искра», на всякий случай всё перепроверил и произнёс необходимые слова. Полностью ручным знаковым методом я его делать пока не рискнул, побоялся.

Шло время и ничего не происходило. Мой страх вырвался и захватил меня целиком. В тот миг я уже ничего не понимал. Почему? Почему у меня вдруг перестало получаться даже простейшее? Я опустил руки и повернулся к учителю. Произнести я ничего не мог, но надеялся, что он и сам обо всём догадается.

Учитель вздохнул, поднялся и подошёл ко мне.

– Ты слишком напряжён, слишком хочешь, чтобы у тебя получилось, а магия это совсем не то. Не думай о том, зачем ты делаешь заклинание, сделай его просто так.

Он улыбнулся, быстро, но плавно, по-водному, сложил пальцы, что-то прошептал и указал мне на реку. На воде неподалёку от берега какими-то слегка забавными буквами было написано «просто так».

Я вдруг почувствовал, как напряжение уходит. Самым главным было то, что учитель меня не осуждал. Я постарался отбросить все лишние мысли, вновь, на этот раз быстро, сложил пальцы в магический знак и взмахнул рукой. На неё я в тот миг даже не смотрел.

С моих пальцев сорвался небольшой огонёк и упал на землю. В этот раз он почему-то не спешил гаснуть, просто лежал и горел. Мой страх наконец-то прошёл окончательно. Огонь всё ещё меня слушался, а значит всё было хорошо.

Учитель медленно кивнул, и вдруг в его глазах промелькнуло какое-то подобие интереса.

– Сможешь бросить такой в меня?

Он соединил ладони перед грудью, обвёл руками вокруг своего тела и так же соединил их за спиной. Воздух вокруг него в тот же миг вдруг начал слегка переливаться, словно он стоял внутри огромного прозрачного пузыря.

Задание было странным и почти невыполнимым, но спорить с учителем и разочаровывать его я не стал. Раз он сказал бросить, нужно было хотя бы попытаться. Полупрозрачный пузырь вокруг его тела был какой-то своеобразной защитой от Огня, в этом я был почти убеждён, а раз так, то и поддерживать его учителю должно было быть довольно сложно, всё-таки с Огнём он не особо дружил. Заклинания этой стихии, кстати, учитель вообще делал лишь в совершенно исключительных случаях, лишь тогда, когда без этого было и вправду не обойтись.

Я постоял немного и нерешительно сложил пальцы в знак заклинания «искра». Что делать дальше я пока, если честно, не знал. Сделать огонёк и бросить его совершенно разные вещи. Учитель точно ждал от меня чего-то, но я никак не мог догадаться чего.

– Хорошо, раз ты не нападаешь, я начну первым.

Он отошёл чуть ближе к воде и остановился. В его глазах вновь заиграли всё те же насмешливые огоньки.

Учитель захватил воду из реки заклинанием «капля» и каким-то другим заклинанием резко толкнул её вперёд, в меня. Уклониться я не успел, получил довольно ощутимый толчок-удар в грудь, от неожиданности слегка покачнулся, но устоял. Учитель, конечно, предупредил меня, что нападёт, но я не думал, что он и правда это сделает.

Стоять и раздумывать дальше становилось опасно. По глазам учителя было ясно, что он вот-вот всё повторит.

– Не стой, маг, думай!

Он медленно отвёл руку в сторону, что-то произнёс, и над рекой начали, один за другим, подниматься водные шары. Искорки в его глазах пропали, а взгляд стал холодным и спокойным взглядом истинного мага Воды.

Я торопливо развеял заклинание «искра» и пересложил пальцы в «бриз». Сердце у меня застучало часто-часто и громко, так, что его удары даже начали отдаваться в ушах. Комбинация. Комбинация заклинаний – это был мой единственный шанс.

Вертикальный «бриз», «искра», «бриз» горизонтальный. Как я умудрился всё это сделать с первого раза, я не знал. Скорее всего тут немало повлияла сама эта ситуация. Количество водных шаров в воздухе над рекой всё увеличивалось и мне даже представлять не хотелось, что будет, если учитель вдруг и правда решит отправить их все в меня.

Мой огненный шарик медленно подплыл к учителю, коснулся его щита и исчез. Я вдруг с удивлением понял, что и щит-пузырь при этом лопнул и исчез тоже. Учитель опустил руку, и все водные шары схлынули обратно в реку. В его взгляде читалось довольство. Он посмотрел на меня с какой-то даже лёгкой гордостью и одобрительно кивнул.

– По правилам ты должен был меня коснуться и ты это сделал, значит я проиграл. Кстати ты только что открыл собственное заклинание, поздравляю, некоторые до этого очень долго идут. Это, конечно, был не настоящий бой, но смысл, я думаю, ты понял. И ещё. – Он вдруг чуть нахмурился и посерьёзnel. – В настоящем будь готов убить, если потребуется. То что ты ещё ребёнок не остановит некоторых людей.

Учитель посмотрел на реку и его взгляд стал таким же отстранённым и холодным, как когда я увидел его в первый раз.

Я против воли вздрогнул и слегка поёжился. После таких слов учителя мне очень не хотелось оказаться на его пути. Он стоял здесь, передо мной, а значит из всех своих схваток выходил победителем. Интересно, сколько их было? И скольких людей он убил?

– Многих. – Учитель повернулся и посмотрел на меня. – Я убил многих. Ты ведь об этом хочешь спросить? Я предупреждал тебя в самом начале, помнишь? Путь любого мага – это почти всегда путь войны. В нашем случае со Светлячками и большинством таких же, как мы, Свободных. Если передумал, то всегда можешь отказаться. Мне не нужен ученик, который не сможет себя защитить.

Он с лёгким раздражением развернулся и пошёл обратно к костру.

Я хотел крикнуть ему в спину, что он ошибается, что есть и другой, мирный, путь, но почему-то не смог. Его взгляд и поведение тогда, во время нашего поединка, всё ещё не шли у меня из головы. В настоящем бою другой такой маг убил бы меня без колебаний. Я был слаб, думаю именно это учитель и хотел мне объяснить. Именно это, а не комбинирование заклинаний и было его настоящим уроком.

Я постоял немного и тоже вернулся к костру. В голове у меня всё ещё был сумбур, но в одном я был уверен точно. Я не сдамся и от своей мечты так просто не отступлюсь.

Учитель поднял на меня глаза, долго молча смотрел и затем лишь как-то неопределённо кивнул.

– Вижу ты всё понял. Это хорошо. Лет до четырнадцати прячься, уклоняйся от схваток, не показывай никому, что ты маг. Если уже поздно и заставят показывать, что умеешь, допускай ошибки, говори, что начал заниматься месяц назад. Светлые не берут в обучение детей, они поверят тебе потому что захотят поверить. Гораздо опаснее для тебя другие Свободные, с ними, пока не подрастёшь, вообще не связывайся.

Он открыл свою книгу и начал что-то туда писать. Я понял что на ближайшее время наш разговор окончен.

До середины дня я практиковал своё единственное боевое заклинание. Учитель был занят, но меня так и подмывало его отвлечь. Мой огненный мячик двигался слишком медленно. С такими слабыми заклинаниями мне пришлось бы прятаться всю жизнь.

На мой взгляд моя комбинация была слишком сложной. Первый «бриз» должен был подхватить «искру» до того, как она упадёт, не дать ей скатиться с себя или погаснуть. Дуть он при этом естественно должен был строго вертикально. Вторым, горизонтальным, «бризом» я отправлял своё заклинание к цели, но это, если не считать тот самый первый случай, получилось у меня за это время всего лишь раз или два. Мои робкие надежды на скорый успех быстро сменяло горькое разочарование. В конце концов я отбросил все сомнения и решил рискнуть. Я глубоко вздохнул, набрался мужества и подошёл к учителю. Он даже не поднял глаз от книги и жестом показал мне уходить.

– Другие заклинания тебе учить ещё рано. Если хочешь что-то действительно полезное ускорь свою комбинацию. Улучшай «бриз», с «искрой» у тебя и так всё в порядке.

Учитель этого не сказал, но я понял, что моя нетерпеливость, как всегда его раздражает. Я подавил тяжёлый вздох, сел, открыл свою книгу и принялся в который раз перечитывать о «бризе» всё.

До конца дня я читал и перепроверял это заклинание раз за разом. Магические книги – очень сложная вещь. Один и тот же символ в них может означать разное в зависимости от того где и рядом с какими стоит. Со словами всё то же самое и даже с предложениями. Если говорить образно, то «заклинание» – это «целое» и охватить его разом, «понять», не так уж и легко. Вначале ты всегда видишь не «лес», а лишь отдельные «листки», «веточки», затем «деревья». Любой неверно истолкованный символ может в один миг изменить, а то и вывернуть наизнанку смысл всего слова, слово предложения, предложение смысл и других. И это при том, что даже символы я ещё почти не знал и мне приходилось каждый раз искать их значения заново. Постоянные ошибки меня злили, но учитель говорил, что существует лишь один путь выучить язык магии – как можно больше читать на нём, проверять, искать соответствия, делать пометки, а иногда даже и переписывать всё с нуля под себя по-своему.

Когда на реке совсем стемнело у меня уже почти не осталось сил. Я чувствовал, что ещё немного, и я действительно могу надорваться. Я собрался, попрощался с учителем и пошёл домой. Этот день изменил меня в чём-то. Слова учителя о том, что ему не нужен ученик, который не сможет себя защитить, накрепко засели в моей памяти.

На следующее утро я проспал. Когда я проснулся, на дворе уже вовсю светало. Тётя Фая гремела на кухне посудой и что-то негромко бормотала себе под нос. Остальные домашние тоже должны были вот-вот подняться.

Я зашёл на кухню, неловко извинился, быстро переложил свою еду в походную чашку и сполоснул посуду. Тётя Фая с лёгким сожалением взглянула на меня, но промолчала. Я выда-

вил из себя ещё одно глупое извинение, сослался на то, что если задержусь, то могу пропустить время клёва, быстро собрался, выскользнул из дома и побежал на реку.

За несколько шагов до берега меня вдруг охватило какое-то смутное беспокойство. Не знаю, как это объяснить, но я просто знал, что что-то не так. В воздухе чувствовался след какой-то сильной магии. И её стихией была явно не Вода. По моим ощущениям это заклинание было, как минимум в несколько раз мощнее, чем даже «сеть» и те «водные качели» учителя. Я замедлился и сложил пальцы в магический знак.

Учителя нигде не было, как не было и его вещей. На месте нашего костра лежали лишь остывшие чёрные угли. Что бы тут ни случилось, это случилось давно, скорее всего ещё вчера, почти сразу же после моего ухода. Учитель не любил разводить огонь и старался, чтобы пламя просто не гасло, тем более по ночам, когда на реке всё же довольно прохладно и можно простудиться, а то и всерьёз заболеть. Я подошёл, остановился и ещё раз внимательно всё осмотрел.

С неба ярко светило солнце, с воды дул лёгкий, спокойный ветерок и приятно, по-домашнему, убаюкивающе пахло водорослями. Берег выглядел, как никогда безмятежным и мирным..., и от этого моё предчувствие беды лишь росло.

Следов борьбы не было, следов заклинаний или разрушений тоже. Я стоял, озирался и заставлял себя складывать и переоценивать это всё вновь и вновь, думать так, как всегда думал сам и заставлял меня думать учитель.

Схватить его не могли, по крайней мере, так просто. Здесь, возле воды, он мог драться в полную силу и тогда бы точно всё тут разнёс, в этом я был уверен. Учитель ушёл сам..., но куда? С кем? Зачем? И почему вдруг так внезапно? У меня было слишком много вопросов на этот счёт и пока ни одного хоть сколько-нибудь правдоподобного предположения.

Я чуть отошёл от кострища и сбросил на землю свою сумку и удочку. Если у учителя возникли проблемы со Светлыми, то первое, что я должен был сделать – это убедительно разыграть то, что я знаю его достаточно плохо, на уровне «привет – привет» и не более. Тренировку-обыгрыш подобной ситуации учитель заставлял меня делать едва ли не каждый день.

Сторожевые заклинания вокруг стоянки, кажется, все были в порядке и работали: сигнальные, «отвод глаз», «сеть» и прочие подобные. К безопасности учитель всегда относился всерьёз. Снять их незаметно, для внезапного нападения, конечно, было можно, но именно снять, а не обмануть-обойти. И даже к этому подготовка заняла бы у среднего ловчего мага Светлых не один день. По крайней мере, так утверждал сам учитель.

– Эй! – донеслось вдруг откуда-то сзади.

Голос был детским, но в нём сразу же чувствовалась злость.

Я вздрогнул, разжал пальцы, развеяв магический знак, и торопливо обернулся.

Неподалёку стоял мальчишка чуть старше меня, лет четырнадцати, и смотрел на меня с явным вызовом. В его глазах читалась какая-то злая зависть. Он был не из нашей деревни, и ещё странным было то, что шагов его, когда он подходил, я не слышал, а до этого берег абсолютно точно был пуст. В общем неясно было, как и откуда он вообще тут вдруг взялся.

Возле ног мальчишки лежал серый лопухий щенок, маленький и даже, кажется, ещё слепой, вот только недавно родившийся. Мальчишка на него внимания не обращал, а сам он почти не двигался и лишь иногда тихо жалобно пищал-поскуливал. Я молчал, старался собраться с мыслями и всё же понять, что же тут происходит.

Мальчишка наклонился, грубо схватил щенка за загривок и подошёл ко мне.

– Ты мистик! Я видел, как вы тренируетесь!

Он вдруг засмеялся и указал пальцем на наш костёр. Я почувствовал, как по моему телу начал медленно растекаться холод. Этот мальчишка наверняка уже всё разболтал, а теперь вдруг исчез учитель. Таких совпадений не бывает. Эти вещи просто не могли быть не связаны.

Я изо всех сил старался унять панику и думать спокойно. Все инстинкты кричали мне бежать. Бежать прямо сейчас, пока ещё не слишком поздно. И всё же что-то заставляло меня

стоять, медлить и ждать. Моя магическая книга под рубахой словно раскалилась, чувствовалась огромной и всем заметной. Пустой болтовне ребёнка Светлые могли и не поверить, но учебник по магии менял всё.

Мальчишка понимающе ухмыльнулся и вдруг бросил щенка на землю между нами.

– Покажешь свои фокусы, мистик, и я скажу, что о твоём учителе я соврал. Мне поверят, мой папа рыцарь у Светлых магов, причём не обычный, а самый-самый главный из рыцарей.

Он важно вскинул подбородок и как-то слегка снисходительно на меня посмотрел.

Я усилием воли подавил в себе вспышку гнева. Мальчишка был меня выше и явно сильнее, не факт, что я смог бы справиться с ним без помощи магии. Да и учителю я этой дракой мог лишь навредить. Раз уж Светлые уже поймали его, то теперь он и вправду был весь во власти отца этого гада.

Мне нужно было срочно что-то сделать, но я не знал что. Мои заклинания-фокусы были бесполезны против настоящих магов. И наверное даже не только против них. Любой рыцарь Светлых, обученный воин, и то был для меня пока слишком грозным противником. Исполнять чьи-то прихоти и использовать свою магию ради забавы, унижать её, мне не хотелось, но сейчас это похоже был единственный вариант.

– Я показываю заклинание – твой отец отпускает учителя. Уговор?

Я посмотрел мальчишке прямо в глаза, но руку протягивать не стал. Соглашение это было изначально неравным и неправильным. Он самодовольно ухмыльнулся и кивнул. Выражение превосходства на его лице усилилось.

– Покажи то что можешь на этом. Большого ты вряд ли убьёшь, поэтому я взял поменьше.

Мальчишка шагнул вперёд и несильным пинком-броском подкинул своего щенка мне прямо под ноги. Тот неуклюже перевалился через спину, несколько раз жалобно взвизгнул и заскулил. Мальчишка ещё раз ухмыльнулся, наклонился, поднял камень и швырнул его в реку.

Я растерянно посмотрел на щенка. Когда я соглашался на всё это, то не знал, что будут, оказывается, и условия. Цена свободы учителя в один миг за пределами поднялась, и любой торг потерял смысл. По взгляду мальчишки, по его алчным до чужой боли глазам, я видел чего он хочет. Сама магия была ему не интересна, он хотел, чтобы я показал ему, как именно она убивает.

Щенок жалобно скулил и потихоньку полз вперёд, к моим ногам. Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что он ищет справедливости, защиты. Учитель говорил мне не показывать никому, что я маг, но ведь и ситуация эта была, мягко говоря, совершенно безумной. Любые правила хороши в меру. Иногда, когда знаешь, что они могут тебя погубить приходится их прямо на ходу менять или отбрасывать вовсе, даже самые проверенные и надёжные.

Я несколько раз сильно встряхнул кистями рук, быстро, но по системе, размял пальцы и взглянул на мальчишку.

– Подожди немного. Я недавно занимаюсь, заклинание только повторяю.

Я торопливо достал из-за пазухи свой учебник и открыл его ближе к середине, на случайной странице. Скрывать книгу смысла уже не было, если бы Светлые меня схватили, то всё равно бы почти сразу её нашли. Мальчишка посмотрел на меня с явным разочарованием, но промолчал, наклонился, взял ещё камень и бросил его в реку.

Правил не было. Я был волен читать, что угодно, лишь бы оно помогло. Мальчишка почему-то меня не торопил, подошёл ближе к воде и стал бесцельно её рассматривать. Судя по его поведению, он считал, что я теперь всецело в его руках.

Я незаметно перелистнул несколько страниц и нашёл заклинание магии Воздуха. Страх сделал своё дело, все символы, даже малознакомые, я понимал легко. Щенок мальчишки почему-то затих и больше не шевелился. Мне оставалось лишь надеяться, что он не умер, а просто потерял сознание или уснул. Читать и распутывать заклинание я старался, как можно быстрее, но это всё равно заняло у меня довольно много времени. Его магические слова и

знаки сильно отличались от тех, которые я изучал. В конце концов терпение моего вымогателя стало заканчиваться. Он заметно нервничал, всё чаще оглядывался и всё пристальнее за мной наблюдал. По его лицу было ясно, что ещё немного, и он всё отменит.

Я несколько раз глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и взмолился. Если родители наблюдали за мной сейчас, то они просто обязаны были мне помочь.

– Всё. Я готов, подойди ближе. – Я указал мальчишке взглядом на щенка. – Магия убивает быстро. Просто, чтоб ты знал.

Мальчишка посмотрел на меня как-то слегка озадаченно, но подошёл и остановился напротив, в паре-тройке шагов от меня и щенка. В его глазах читалось недоверие, и даже больше, неверие, в то, что я сейчас и правда сделаю то, что и обещал.

Я положил книгу на сгиб левой руки и сложил пальцы на обеих руках в магические знаки. До этого, на моих «детских» заклинаниях, я практически никогда так не делал, но с этой магией одной рукой я бы точно не совладал. Слова я старался говорить нараспев, легко и радостно. Со стихией Воздуха по-другому было просто нельзя. «Не думай о том, зачем ты его делаешь», – говорил учитель, и сейчас мне оставалось лишь положиться на эти его слова. Я говорил, и заставлял себя быть легче. Быть не в прошлом или будущем, а «сейчас». Все мысли о Светлых, щенке, мальчишке и даже самом учителе я обрывал и замещал ощущением абсолютной и полной свободы.

Потоки силы внутри и вокруг меня всколыхнулись. От моих рук пошёл лёгкий ветерок. Я повернул их ладонями вперёд, направил на мальчишку и продолжил говорить. Книга свалилась на землю, но она и не была мне больше нужна. Я вдруг понял смысл заклинания полностью. Последние его слова я почти прокричал. Оно вдруг резко усилилось. С моих ладоней хлынул целый ветряной поток. Мальчишку ударило в грудь и отшвырнуло на землю. Он громко вскрикнул, схватился за живот и застонал. Выглядел он при этом так, будто бы его часа два или три били. Я стоял и из последних сил сдерживался, чтобы не бросить ему «искру» прямо в лицо.

Мальчишка захныкал, неуклюже поднялся, попытался вытереть слёзы, но лишь размазал себе грязь по всему лицу.

– Я расскажу! Всем расскажу! И папе тоже!

Он вдруг сильно покраснел, схватил с земли бульжник и бросил его в меня.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, пальцы на моей руке вдруг сами сложились в магический знак «бриза», а с моих губ сорвались несколько, его ключевых, самых важных, слов. Камень столкнулся с потоком воздуха, изменил траекторию, пролетел мимо и с громким стуком грохнулся где-то справа-позади от меня. Щенок под моими ногами вдруг испуганно взвизгнул, вскочил и неловко побежал-поплёлся вперёд. Мальчишка перехватил мой взгляд, бросился и зло ухватил его за загривок.

– Нравится, мистик?! – Он сильно встряхнул щенка, перебросил его в левую руку и схватил правой за голову, тот попытался освободиться и истошно завизжал. – Смотри сам, вшивая псина, что мой папа с тобой сделает!

Я понял, что мальчишка собирается сделать, и быстро сотворил свою комбинацию. Раздался громкий хлопок. Огненный шар «искры» рванулся вперёд и с воющим оглушительным рёвом пронёсся всего в каком-то шаге от его головы. Я указал глазами на щенка, протянул левую руку, направил правую мальчишке в лицо и вновь сложил пальцы на ней в первый, начальный, знак комбинации.

– Отдай, или следующий я брошу в тебя. Мне терять нечего, я и так вне закона.

Я произнёс слова первого «бриза» и «искры». В воздухе перед моей рукой завис яркий, искрящийся огненный шар. С Воздухом у меня возникали некоторые проблемы, но заклинания Огня мой гнев, кажется, лишь усиливал. Мальчишка отпустил голову щенка, быстро, но как-то плавно, направил освободившуюся руку на воду, а затем на меня. Из реки с громким всплеском

вырвался водный шар, мелькнул в воздухе и врезался в мою «искру». Раздалось оглушительное шипение. Во все стороны хлынул белый пар, полетели брызги воды и кусочки огня. Наши заклинания поглотили друг друга и оба исчезли. Я на миг растерялся и сделал шаг назад.

Мальчишка шагнул ко мне и вдруг словно растворился в воздухе. На его месте стоял учитель и в его руках был не щенок, а небольшой кусок трухлявой древесной коры. По своей форме, хотя, она и правда слегка напоминала собаку. Я почувствовал, как мощное заклинание, которое я ощущал тут всё это время, медленно распадается и исчезает.

Учитель молча и с явным неодобрением взглянул на меня, отбросил свою деревяшку и слегка прихрамывая поплёлся к костру. Его одежда была вся в пыли, а в нескольких местах даже и продрана. На его лице, руках и ногах были свежие ссадины и синяки. Валуны неподалёку замерцали, тоже растворились в воздухе и превратились в его вещи. Я стоял и растерянно смотрел ему вслед.

– Заклинание иллюзии. – Учитель на миг обернулся, неопределённо махнул рукой и поморщился. – Прости, мне пришлось тебя обмануть. У меня нет времени разбираться в твоих мотивах. Хотя я почти не ошибся, думал не станешь магию использовать, в драку кинешься.

Он дошёл до кострища, неловко уселся, бросил на угли несколько веток и следом пару-тройку слабых «искр». Огонь медленно, нехотя, разгорелся и недовольно затрещал.

Я стоял и чувствовал, как моё сердце медленно, капля за каплей, наполняет ярость. Учитель был тут всё это время. Не в плену, не у Светлых, как я думал. И он. Меня. Обманул.

Ложь была везде. Единственный человек, которому я верил, меня предал. Какими бы ни были причины, он не имел права так со мной поступать. Слово учителя всегда виделось мне нерушимым, словно слово моего отца. Теперь, после такого, я не был уверен, что вообще смогу кому-либо доверять.

Но больше всего меня сводило с ума даже не это, а скрытое разочарование в его словах. Обычно учитель хорошо прятал свои чувства, но не в этот раз. Его тон, слова, поза, движения, взгляд, слишком многое его выдавало. Он обманул меня и был разочарован тем, что я повёл себя не так, как он ожидал. Вот что я видел.

Прежде чем я успел подумать, что теперь делать дальше, моё тело само двинулось вперёд. Гнев овладел мной полностью. Он распространялся по моему разуму, словно лесной пожар и я был не в силах его остановить.

Раз учитель считал меня недостойным, пусть будет так. Его подачки в виде молчания и не порицания мне были не нужны. Как и его прощение.

Я наклонился, медленно поднял свою книгу, подошёл и швырнул учителю под ноги. На самом деле я даже слегка сдержался, потому что первой мыслью было вообще бросить её в костёр.

– Если бы я проиграл, что бы он сделал с собакой?! Зачем мне магия, если я не смогу никого защитить?!

Я посмотрел учителю в глаза, отвернулся и пошёл брать удочку. В душе у меня горела обида. Мне было плевать, что он подумает, у такого человека я быть учеником не хотел.

Я взял удочку, уселся на камень и принялся неторопливо её разматывать. Спешить мне теперь было некуда, впереди у меня был целый день.

Учитель хотел сказать мне что-то, но вдруг осёкся и промолчал, поднял мою книгу и взял посох. Сделал он это как-то порывисто, словно человек, который вдруг окончательно что-то решил. Руки у него слегка подрагивали.

Я почувствовал лёгкий укол стыда. Бросить книгу это было наверное всё же немного слишком.

Учитель закрыл глаза, прошептал что-то, несколько раз коснулся книги посохом и подошёл ко мне.

– Можешь не считать меня учителем, но книгу возьми. Она твоя по праву. Я горжусь, что ты был моим учеником и покажу тебе настоящую магию.

Он протянул мне книгу. Я помедлил, но в конце концов её взял. Обложка её вдруг засветилась и рисунки на ней сложились в другой узор. Он был совсем не похож на тот, что был раньше. В этом новом чувствовалась какая-то законченность, мощь. Учебник увеличился в размерах и стал в два или даже в три раза толще. Теперь я понял, что это было за ощущение книги в книге.

Рыбачить мне не хотелось, да и обида почти прошла. Я отложил удочку и поднялся. До меня только-только дошёл смысл этого всего. Учитель не показывал мне сильные заклинания не потому, что боялся, что я с ними не совладаю. Он просто не был уверен хороший ли я человек. Этой иллюзией он проверил на что я потрачу его науку. Возможно по-другому действительно было нельзя и на его месте я поступил бы так же.

– Учителей не выбирают.

Я взглянул ему в глаза и пошёл к костру. Учитель хмыкнул, пробурчал что-то и пошёл следом.

В следующие несколько дней учитель, как и обещал, учил меня сильной магии. Он объяснял мне не сами заклинания, а символы, как их правильно читать. В его поведении чувствовалась какая-то нервозность, спешка. Некоторые особо лёгкие места заклинаний он вообще пропускал. На реку я приходил всё раньше, а домой всё позже. Каждый вечер учитель забирал мою книгу и ночью что-то записывал на её пустых листах.

В очередной день я как обычно пришёл на реку. Учитель закончил писать, отложил перо, протянул мне мою книгу и жестом указал присесть. Выглядел он серьёзно, задумчиво и устало.

До рассвета было ещё далеко и на реке было безветренно и тихо. Костёр негромко потрескивал, так, словно рассказывал о чём-то чёрному, усыпанному яркими мерцающими звёздами, небу. От воды веяло прохладой и свежестью.

Я сел рядом с учителем и рассеянно посмотрел на огонь. Случайный миг отдыха казался мне чем-то нереальным. Учитель вливал в меня новые знания целыми вёдрами. За последние несколько дней я устал так, как казалось, не уставал за всю жизнь.

Учитель тяжело вздохнул и посмотрел на меня как-то слегка сочувственно.

– Сегодня заниматься не будем, я просто тебе кое-что расскажу. Есть такая вещь в магии называется Слово Силы, выбрать его можно лишь один раз. Это как бы общая «направленность» мага, если коротко объяснить. От Слова Силы зависит основная стихия мага и сила заклинаний, которые он сможет применять. Например, если взять Словом Силы то же слово «искра», то «направленность» естественно будет Огонь и заклинания стихии Огня будут получаться лучше. И дальше по аналогии если взять Слово «капля», то «направленность» будет Вода, «песчинка» – Земля, «бриз» – Воздух. Ну, я думаю, смысл ты уловил.

Он тоже взглянул на огонь, но почти сразу же перевёл взгляд на реку.

Я растерянно кивнул, хоть пока и не понимал, как это всё может быть связано со мной.

Учитель помолчал немного, взял посох и задумчиво его повертел.

– Слово Силы никому нельзя говорить это запомни накрепко. Если узнать Слово Силы другого мага, то при определённом ритуале можно забрать его силу. Причём заметь забрать всю. И Светлые и некоторые Свободные иногда так делают. Когда ты берёшь себе Слово Силы, то его стихия становится твоей основной, противоположная ей естественно противоположной, а две другие смежными. Заклинание основной стихии отнимает в сотни раз меньше сил, чем отнимало бы без выбора Слова, но за это приходится платить: заклинания смежных стихий начинают отнимать в десятки раз больше сил, противоположной в сотни. Чем ближе твоё Слово к самому названию стихии, тем оно сильнее. Чем сильнее твоё Слово, тем легче тебе

пользоваться основной стихией, но сложнее смежными и намного сложнее противоположной. Понимаешь теперь почему я почти не могу использовать Огонь?

Он кивнул на костёр и устало улыбнулся. Я вдруг заметил насколько старше он стал выглядеть. Судя по всему наши занятия выматывали не только меня.

Я поднялся, взял котелок, сходил набрал воды и поставил его на огонь. Учитель понимающе кивнул, покопался в сумке и достал полупустой уже мешочек сушёных трав. За это время мы уже несколько раз их использовали. От этого отвара лучше думалось и меньше хотелось спать. Названия этой и других смесей трав, рецепты и пропорции у меня, конечно же, уже были, но пока учитель готовил всё сам, посоветовал мне не забивать память и не запоминать их все наизусть.

– Эх, жжём мы с тобой здоровье, вообще-то нельзя так. – он бросил пару корней в воду и посмотрел на меня. – Ты ещё можешь отказаться, не становиться магом. Это твой выбор. Я могу отнять твои воспоминания даже сейчас. Но если ты решишь выбрать Слово обратного пути не будет. Магические возмущения подобные этому бесследно не проходят. И конечно Светлячки отслеживают все те, которые устроили не они. Им, конечно, нужно будет определить ещё твою личность, но это лишь дело времени. Место проведения ритуала, твой пол и примерный возраст они определяют почти сразу, поэтому советую потом уходить поскорей.

Он поднял голову и задумчиво посмотрел на небо. Звёзды на нём тихо мерцали, так, словно тоже смотрели на нас. Я достал из сумки кружку и растерянно её повертел.

– Мне обязательно его выбирать, это Слово?

Я взглянул на учителя. Как бы то ни было, а уходить из дома я пока не хотел, пусть даже и не родного. Учитель снял отвар с огня и осторожно разлил его по кружкам.

– Маг без Слова Силы не маг. Он слишком слаб, чтобы так называться. Прости, что так прямо говорю. Слово связывает тебя и тот, другой, мир. Без него ты сможешь пользоваться разве что подобными магическими мелочами. Ты можешь подумать, конечно, но я бы хотел, чтобы ты выбрал его сейчас, пока я ещё рядом.

Учитель подул на свою кружку и осторожно из неё отхлебнул. Я задумался.

Обратной дороги не будет. Что меня ждет, если я откажусь? Я найду себе работу, построю дом, женюсь, заведу детей, но буду ли счастлив? Я посмотрел на огонь. Он горел безмятежно, спокойно, уверенно, так, словно меня подбадривал.

Учитель сидел, дул на отвар и молча смотрел на реку. В его взгляде читалась печаль. Не знаю почему, но я вдруг понял, что его огорчит любой мой выбор. Возможно это была именно та ситуация, когда выбрать правильно просто нельзя.

Я ещё раз взглянул на огонь и кивнул.

– Слово я выберу, но мне нужно сначала собраться.

Я разбавил свой отвар холодной водой, залпом выпил его, оставил кружку и взял книгу. Интуиция мне подсказывала, что лучше рискнуть и попытаться, чем потом жалеть всю жизнь.

Учитель долго смотрел на меня, затем вдруг тоже оставил кружку и резко поднялся.

– Я наложу на тебя заклинание «последний шанс». Если попадёшься – это первое, что ты должен сказать, понял? И осторожнее после этого со своим телом. Один случайный перелом любой кости или повреждение глаз и ты мгновенно умрёшь. Последним шансом оно называется, потому что пытать человека, на котором оно есть невозможно, кроме того, его почти невозможно снять.

Он не стал дожидаться моего ответа, направил на меня посох, закрыл глаза, сосредоточился и начал что-то беззвучно шептать. Я почувствовал, как всё тело у меня пронзил леденящий холод. Мне казалось, что какие-то невидимые нити проткнули мою кожу и прорастают прямо в меня. От внезапной боли я хотел закричать, но не мог. Моё тело вдруг полностью перестало мне подчиняться. Сколько это всё продолжалось я не знал: судя по всему в какой-то миг я просто потерял сознание.

В себя я пришёл лишь поздно вечером. Учитель лежал неподалёку прямо на земле и сжимал в руке посох. Его дыхание было тяжёлым, но я понял, что он просто спит. Всё тело у меня болело, волнами накатывала тошнота. Я собрал свои вещи, как-то дошёл до дома, упал на кровать и вырубился. Единственное, что мне снилось в ту ночь это боль, холод и пустота.

Глава 4. Слово.

На подготовку к ритуалу у нас ушло несколько дней. Хотя если уж на то пошло я в это время больше отдыхал, чем готовился. Учитель сказал, что я должен как следует высыпаться и есть. Читать и тем более практиковаться в это время он мне запретил настрого.

Все вещи я уже давно собрал, и в последние пару дней мне было откровенно скучно. Учитель возился с какими-то ингредиентами, смешивал их и готовил. Иногда он бурчал что-то про искусство, про то, что этот круг точно станет самым совершенным в мире. Я про себя улыбался, но молчал, не хотел его обидеть. Во многом учитель вёл себя как ребёнок и наверное именно поэтому так хорошо меня понимал.

Наконец назначенный день настал. Я собрался, мысленно попрощался с приёмным домом и пошёл на реку. На душе у меня было одновременно и легко и грустно. Именно тогда я понял простую земную истину. Ты всегда должен быть готов отдать что-то, чтобы что-то получить. В данном случае я менял безопасность и дом на возможность стать магом.

Когда я пришёл, учитель уже заканчивал чертить мой круг, ползал по земле и что-то без конца перемерял. По всему берегу были разбросаны какие-то сложные инструменты. Выглядел учитель очень сильно уставшим, но возбуждённым и восторженным. Судя по размерам и сложности заклинания, он явно начал делать его ещё вчера, скорее всего сразу же после моего ухода.

Я подошёл чуть ближе и остановился. В воздухе рядом с этим местом витало такое напряжение, что он, казалось, едва ли не звенел. С первого взгляда было ясно, что это уже настоящая магия.

Круг был действительно огромным, шагов в триста, если не в пятьсот. Над ним чуть поблёскивала голубовато-прозрачная защитная полусфера. Щит от Воздуха таких размеров и плотности мог бы сдерживать даже ураган. Сколько энергии учитель тратил на его поддержание, я боялся себе даже представить.

На реке ярко светило солнце и не было ни ветерка. Казалось, что вся природа тоже замерла и чего-то ждёт вместе с нами. От восторга и предвкушения у меня перехватило дыхание. Я знал, что учитель готовится к ритуалу всерьёз, но никогда и предположить не смел, что ради меня будут задействованы такие силы.

Учитель на миг отвлёкся, посмотрел на меня и вдруг улыбнулся. Судя по всему ему понравился мой обескураженный вид. Первый раз я встретил человека, который настолько радуется от того, что доставляет кому-то радость. Учитель без сомнения был весьма необычным человеком даже и без своей магии.

Я сбросил свои вещи у костра и стал ждать. От волнения мне не сиделось на месте. Чтобы хоть как-то занять время и успокоиться я стал ходить вдоль границы круга и внимательно его разглядывать.

Рисунок был совершенен. Каждая его черта, линия, символ и знак. То что учитель показывал мне прежде не шло с ним ни в какое сравнение.

Внутри круга была огромная четырёхлучевая звезда, сплошь заполненная какими-то символами. На конце каждого её луча был круг поменьше. В них были написаны названия стихий, и каждый круг был нарисован по-своему. Круг Огня был резким, Земли твёрдым, Воздуха едва-различимым, лёгким, а Воды размытым. Учителю хорошо удалось передать в этих рисунках-печатах качества каждой из стихий.

Последняя печать была нарисована в центре и звезды и большого круга. Внутри неё был изображён человек и символ окончательного выбора. Другими его толкованиями, из тех, что я знал, были «перекрёсток дорог» и «развилка».

Учитель вдруг поднялся с колен, окинул свою работу последним критическим взглядом и повернулся ко мне.

– Сложного ничего не будет. Ты просто встанешь в центр и назовёшь слово. Одно. Выбери внимательно, слушай себя, думай сам, что тебе лучше подойдёт, тут я тебе не советчик. Если соврётся себе и выберешь не то слово, будешь как маг жалеть всю жизнь, не сможешь хорошо использовать магию. И ещё. Как только зайдёшь в круг молчи. Любое первое слово станет словом, которое ты выбрал.

Он строго посмотрел на меня, собрал оставшиеся инструменты, вышел из круга, взял свой посох и молча указал мне им вначале на защитную полусферу, а затем на центральную печать. Я кивнул и словно в каком-то полусне медленно пошёл в круг.

Колени у меня подгибались, а во рту пересохло. На самом деле я хотел сказать, что не готов, но не смог. Всё происходило слишком быстро.

Учитель подошёл к границе круга, остановился и упёр свой посох в землю. По нему было заметно, что он тоже сильно нервничает, но изо всех сил старается это скрыть и выглядеть, как обычно холодно и невозмутимо.

Я остановился в центре круга и растерянно огляделся. Не знаю, как это объяснить, но в тот миг я почувствовал, что это «мой» круг, почувствовал себя его полноправным хозяином. Заклинание было направленным и единственным человеком, который мог его активировать, был я. Мне было слегка обидно, что учитель доверил мне сделать лишь это, но где-то в глубине души я чувствовал, что он прав и такая магия пока что слишком уж не мой уровень.

Я повернулся к учителю и взглянул на него. Он жестами показал мне молчать, несколько раз глубоко вдохнуть-выдохнуть и успокоиться. Тревога в его глазах всё нарастала и усиливалась. Он словно прислушивался к чему-то внутри себя и отчаянно не хотел слышать то что слышит.

Медлить больше было нельзя. По взгляду учителя я понял, что ещё немного и он всё перенесёт или отменит. Я поднял голову и взглянул на солнце. На самом деле я уже давно выбрал себе Слово, но учителю не говорил, боялся сознаться.

– Огонь. – произнёс я твёрдо.

Ни одно слово в мире не привлекало меня так, как это. И Словом Силы я хотел его. Пусть даже и в нарушение всех и всяческих наказов, запретов и правил.

Малые круги-печати на лучах звезды разом вспыхнули, по земле прокатилась дрожь. Щит от Воздуха разрушила и заместила другая полусфера. Как я понял круг выбора теперь защищал себя сам.

Центральная магическая печать подо мной тоже слегка осветилась. Из земли в самом её центре показался небольшой огонёк. Слабый и неустойчивый, словно пламя огарка свечи, он так же колебался и подрагивал. Я присел на корточки и сложил над ним руки. Не знаю почему, но я просто знал, чувствовал, что должен так поступить.

– Уходи! Выходи из круга!

Учитель вдруг направил свой посох на реку, взмахнул им и словно тараном ударил по обновлённой полусфере водой. Выглядел он растерянно и испуганно.

От звука удара я едва не оглох, и у меня заложило разом оба уха. Полусфера дрогнула и протяжно загудела-застонала. Учитель кричал, махал руками, объяснял мне что-то, но я не слышал его.

Огонёк под моими руками перестал дрожать и уже даже начал слегка обжигать мне ладони. Потоки силы круга усилились и стабилизировались. Защитная полусфера над ним медленно становилась огненной.

Учитель пытался пробиться ко мне, но я понимал, что у него не выйдет. С противоположной стихией бороться сложнее всего. Об этом он сам говорил мне совсем недавно.

Что-то пошло не так. Теперь я уже и сам это смутно чувствовал. В круге собиралось слишком много силы... и он мне больше не принадлежал.

«Круг не выпустит меня», – вдруг понял я, отдернул руки от огонька, вскочил и с ужасом огляделся. Стену огня толщиной в полтора шага не смог бы преодолеть ни один человек. Я был в западне, в ловушке, ведь лишь мой выход за пределы круга мог теперь всё это остановить.

Правда была страшной. Когда ты произносишь Слово Силы, то должен его «победить», подчинить себе, сделать так, чтобы оно признало твоё превосходство. Моя ошибка была не просто огромной, она была роковой. Словом нельзя выбирать имя стихии потому что шанса на победу нет. С ним нельзя совладать. И я лишь сейчас полностью это понял. Если ты проиграешь обычному слову, то просто никогда уже не станешь магом. Его перевыбор невозможен и у тебя есть единственный шанс. Со стихиями всё сложнее. Они не терпят подобного пренебрежения к себе и всегда убивают дерзнувшего. Я чувствовал это, слышал словно тихий гневный голос в бурлящем потоке сил.

Круг вибрировал от потоков энергии. Печати сияли всё ярче, а земля под моими ногами дрожала всё сильнее. Я был в центре самого настоящего магического шторма.

Руки у меня дрожали, а сердце билось так шумно и часто, что я слышал его удары. Воздух внутри полусферы нагревался. По лбу и спине у меня крупными каплями покатился пот.

Огонёк в центре круга начал стремительно расти и разгораться. В этой точке сходилась вся магическая энергия. И как я понял основная опасность тоже находилась там.

Я отбежал к границе круга и остановился. Бежать было некуда. Огненная полусфера стала намного тоньше, но до того раскалилась, что обжигала даже на расстоянии трёх шагов.

Учитель стоял напротив и смотрел на меня. Я видел его плохо, размыто, но знал, что он чувствует сейчас. Любой другой человек, который знал бы, что меня ждёт, отвернулся бы или ушёл. Любой другой, но не он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.